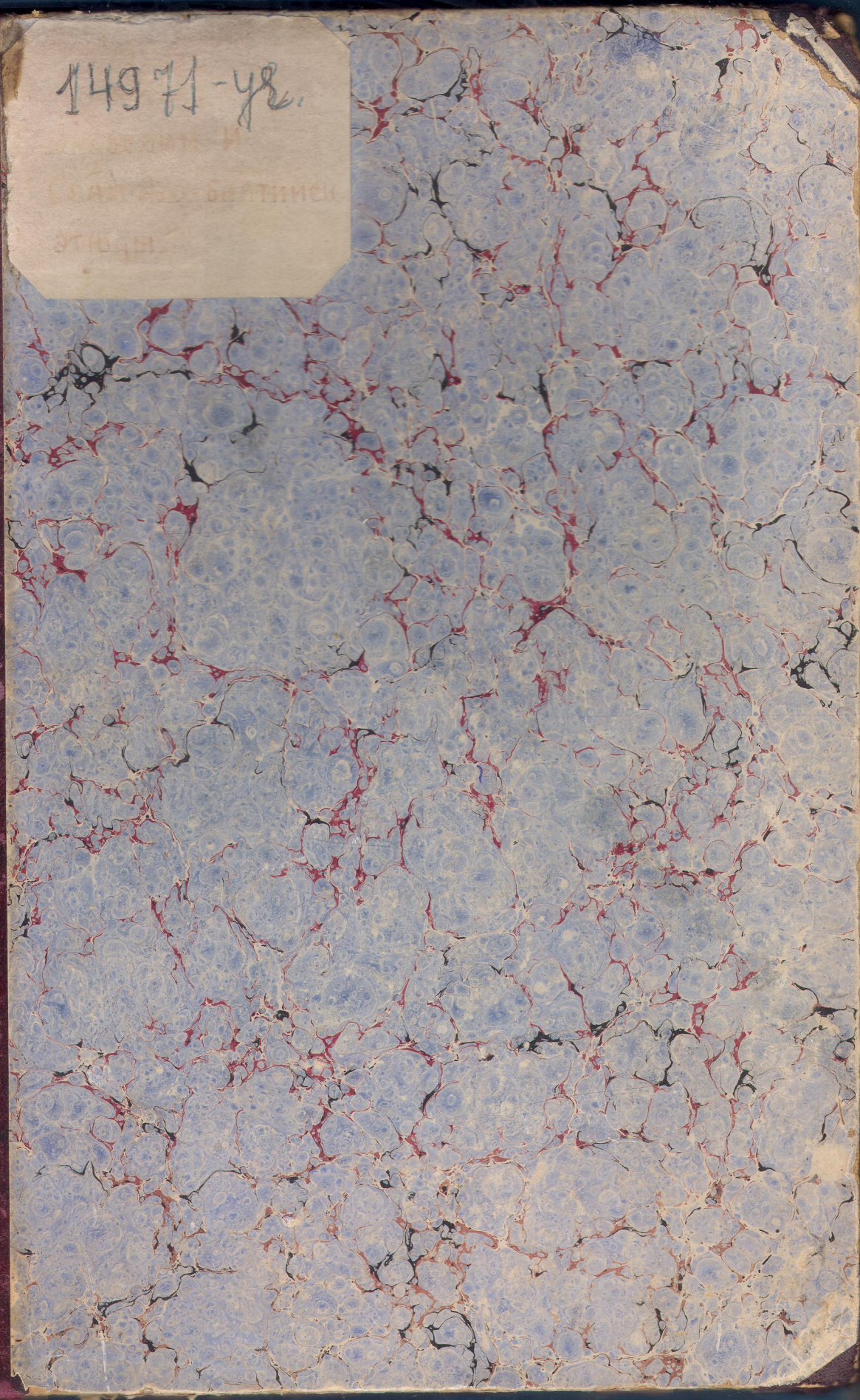
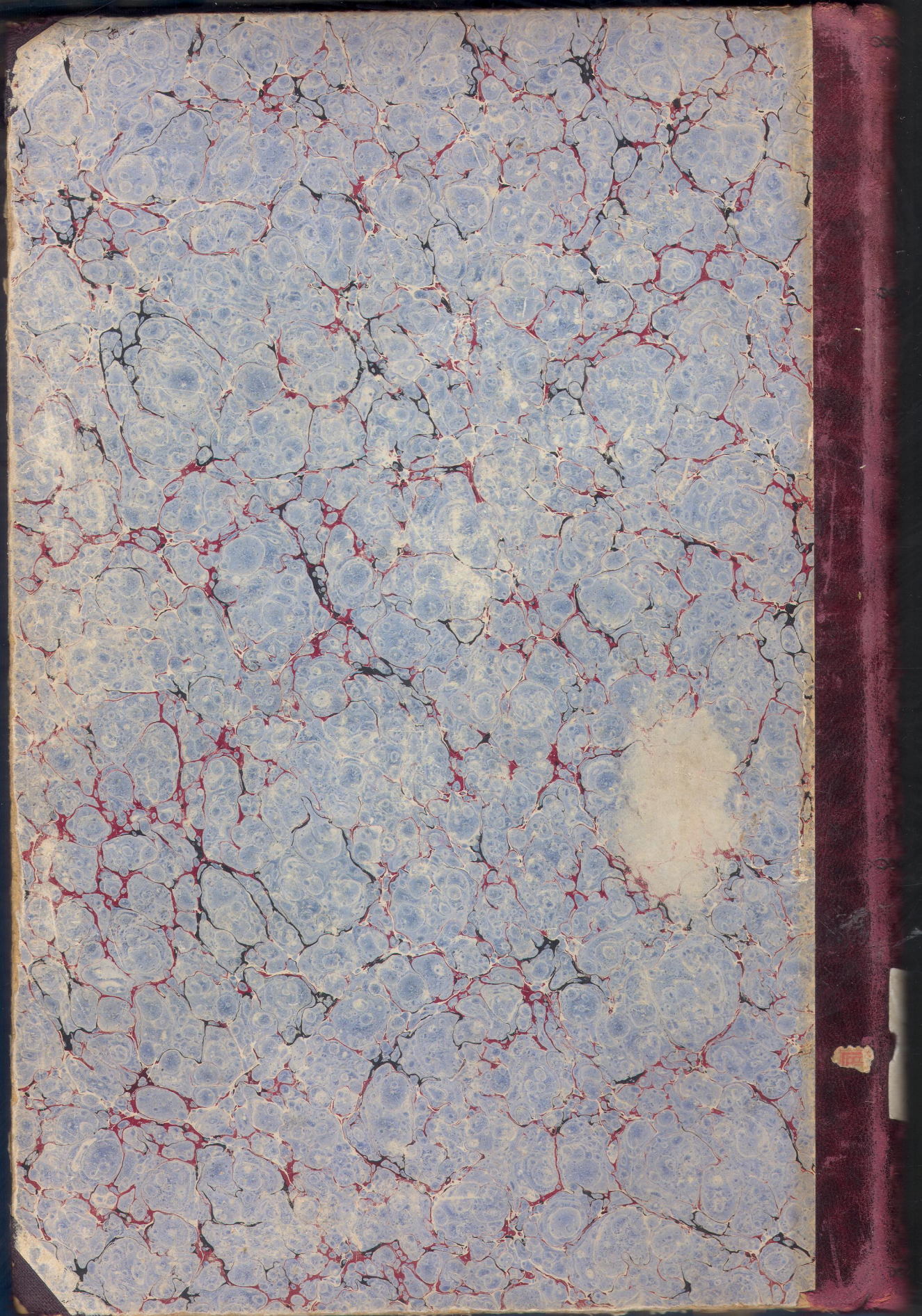

14971-уэ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ЭТИОЛОГИЯ

14.941-42

ЭТЮДЫ

СЛАВЯНО-

ФАЛТИЙСКІЕ

ЭНДЗЕЛІНЪ

14971-82

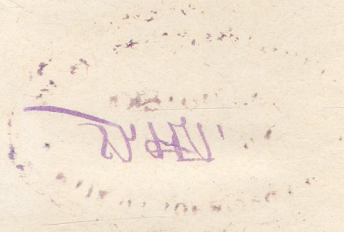
Трубокоуватскому
Степану Михайловичу
Кудрякину от
приятельского
автора

13

٢٤

١٧٩١

١٧٩١

١٧٩١

+

491.8
264сб

24

Турбокуварса мому Стану Михайло
отъ признателно по

И. Эндзелингъ.

СЛАВЯНО-БАЛТІЙСКІЕ ЭТЮДЫ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская, с. д. № 6.
1911.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская, с. д. № 6.
1911.

Dr. Zingales

СЛАВНО-БАЛТИСКИЕ ШКОЛЫ

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
2013р.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начавъ писать грамматику латышскаго языка, я скоро наткнулся на необходимость выяснить себѣ родственныя отношенія балтійскихъ языковъ къ славянскимъ; и это было для меня тѣмъ болѣе необходимо, что мнѣнія языковѣдовъ объ этомъ совершенно расходятся между собою. Если бы всѣ данныя славянскихъ и балтійскихъ языковъ, которыя могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ, были незыблемо установлены и надлежащимъ образомъ освѣщены, то осталось бы только сгруппировать и сопоставить эти данныя и на ихъ основаніи сдѣлать выводы, и работа надъ этимъ могла бы вылиться въ форму журнальной статьи. Но, приступивъ къ работѣ надъ этимъ вопросомъ, я вскорѣ убѣдился въ отсутствіи указанныхъ условій по отношенію къ значительной части всего матеріала: приходилось мнѣ кое-гдѣ самому устанавливать факты и въ нерѣдкихъ случаяхъ разногласія въ объясненіи установленныхъ фактовъ, а изрѣдка также при наличности общепринятаго объясненія вырабатывать свой взглядъ на соотвѣтственный вопросъ. Такимъ образомъ, моя работа надъ вопросомъ о славяно-балтійскомъ праязыкѣ разрослась въ цѣлую книгу.

Такъ какъ она по нѣкоторымъ причинамъ печаталась по черновику, то, къ сожалѣнію, остались неустраненными нѣкоторыя (не существенныя) непослѣдовательности въ правописаніи, шереховатости слога и недосмотры въ расположеніи матеріала. Извиняюсь также за то, что вкралось нѣсколько опечатокъ. Изъ нихъ я отмѣчаю въ концѣ книги только такія, которыя могли бы ввести читателя въ заблужденіе; опечатки же вродѣ *хulivdeit* 9, 26 (вмѣсто *хulivdeiv*),

евр 46, 25 (вмѣсто евр.), *ainesmu* 61¹ (вмѣсто *ainesmu*), этотъ 96, 33 (вм. этотъ), *krawia* 104² (вм. *krawia*), *dialektes* 118, 22 (вм. *dialectes*) читатель самъ легко исправить. Я тутъ самъ указываю на эти формальные недостатки, чтобы они не мѣшали рецензентамъ моей книги заниматься ею по существу.

Въ другихъ формальныхъ недостаткахъ я лично менѣе виноватъ. Такъ какъ въ здѣшней типографіи не оказалось всѣхъ нужныхъ для меня знаковъ, то нѣсколько балтійскихъ, славянскихъ и санскритскихъ словъ остались безъ знаковъ ударенія. Той же причиной обусловлены нѣкоторыя особенности транскрипціи. Такъ, въ санскритскихъ словахъ *r* обозначаетъ церебральное *n*, *ḍ*—церебральное *d*, некурсивное (прямое) *n* (какъ и въ авестійскихъ словахъ)—задненебное *n*, *ṣ*—церебральное *ṣ*; *ā* въ авест. словахъ—долгое *ā*, *a*—*a* со знакомъ долготы, *ṭ*—звукъ, получившійся изъ *t* въ концѣ слова; *ṛ* въ арм. словахъ—*r* съ точкой вверху у Бругмана, *th̄s*—*c* съ точкой внизу у Бр., *ḡ* (какъ и въ авест. словахъ)—аффрик. *dž*; *ṛ* въ албанскомъ—*r* со знакомъ долготы у Бр.; *ḍ* въ древне-исландскомъ обозначаетъ звонкій межзубный спирантъ; *u* въ литовскомъ—назализованное *u*, *i*—назализованное *i*. Въ третьемъ и четвертомъ листахъ, гдѣ приводится много литовскихъ словъ съ *š*, я отчасти долженъ былъ замѣнять это *š* черезъ *sz*; въ началѣ книги встрѣчается въ литовскихъ словахъ *ai* вмѣсто *aĩ*. Такъ какъ не имѣлось *ū* и *ē* со знаками интонацій, то я въ литовскихъ и латышскихъ словахъ вмѣсто *ū* и *ē* пишу *uo* и *ie*; за неимѣніемъ соотвѣтствующаго знака я не могъ въ латышскихъ словахъ отличать открытаго *e* отъ закрытаго *ē* (какъ извѣстно, это различіе зависитъ отъ качества послѣдующаго слога, и поэтому этотъ недостатокъ менѣе чувствителенъ). Вслѣдствіе отсутствія курсивныхъ буквъ съ діакритическими знаками приходилось допускать антикву рядомъ съ курсивомъ.

Такъ какъ настоящій мой трудъ не имѣетъ характера справочной книги, то къ полнотѣ библіографіи я вообще не стремился, но приводилъ литературу только тамъ, гдѣ

это по той или другой причинѣ мнѣ казалось цѣлесообразнымъ. Изъ употребленныхъ мною сокращеній нуждаются въ объясненіи слѣдующія: BW.=Barons un Wissendorffs, Latvju dainas; LP.=Lerchis-Puschkaitis, Latweeschu tautas teikas un pasakas; Лхр.=Э. Вольтеръ, Литовская хрестоматія; LF.=Listy filologické; PBrB.=Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur.

Въ заключеніе приношу искреннюю благодарность Историко-Филологическому Факультету Императорскаго Харьковскаго Университета, быть членомъ котораго вмѣняю себѣ въ честь, за ассигновку средствъ на печатаніе этой книги; своему коллегѣ проф. Ст. М. Кульбакину за чтеніе корректуръ и еще болѣе за ту нравственную поддержку въ тяжелое для меня время, благодаря которой я сохранялъ свою работоспособность; своему бывшему учителю проф. Д. Н. Кудрявскому, наводившему для меня справки въ неимѣющихся здѣсь книгахъ и присылавшему мнѣ даже цѣлыя книги для справокъ; и—last, not least—своему молодому другу stud. phil. К. К. Бугѣ, снабдившему меня обильнымъ матеріаломъ по литовскому языку (гдѣ я имъ воспользовался, тамъ это въ текстѣ оговорено).

Харьковъ, 25 апрѣля 1911 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Къ вопросу о славяно-балтійскомъ праязыкѣ	1— 3
А. Изъ области фонетики	3—128
Отношеніе прабалт. <i>ur, ul, ut, un</i> и праслав. <i>ur, ul, ut, un</i> къ прабалт. <i>ir, il, it, in</i> и праслав. <i>ir, il, ut, un</i>	3— 24
Упрощеніе «двойныхъ» согласныхъ	24— 28
Совпаденіе звонкихъ и звонкихъ придыхательныхъ взрывныхъ; переходъ <i>-m</i> въ <i>-n</i> ; отпаденіе <i>-d</i> и <i>-t</i> ; выпаденіе <i>d</i> передъ <i>m</i> и <i>v</i>	28
Судьба иде. <i>s</i> послѣ <i>r, k, i, u</i> (въ литовскомъ 29—60 [послѣ <i>r</i> 29—33; послѣ <i>k</i> 33—39; <i>ks-:sk-</i> 39—50; <i>š</i> послѣ <i>i, u</i> ? 50—60; <i>š</i> изъ <i>s</i> между <i>i</i> и <i>k</i> 54—57]; въ прусскомъ 60—68 [пр. формы творит. пад.? 61 ¹ ; судьба сочетанія <i>sj</i> 65—68]; въ славянскомъ 69—74 [<i>x</i> изъ <i>s</i> не послѣ <i>r, k, i, u</i> 70—72]; <i>z</i> изъ <i>s</i> 74—78)	28— 78
<i>jau</i> изъ <i>eu</i>	78— 84
<i>aц</i> изъ <i>eц</i> не передъ <i>e, i</i> (балт. <i>a</i> изъ <i>e</i> передъ <i>ra, la, na</i> 89—94; <i>va-</i> изъ <i>ve-</i> передъ <i>a</i> 91 ¹ ; удлинненіе гласныхъ подъ побочнымъ удареніемъ 100 ¹)	84—104
Утрата <i>ц-</i> передъ <i>r</i> и <i>l</i>	104
Совпаденіе въ переносѣ ударенія	105—106
Совпаденіе иде. <i>a</i> и <i>o</i>	106—107
Судьба иде. <i>-dd(h)-</i> въ славянскомъ (лит. <i>žd</i> изъ <i>žd</i> 110—114)	108—114
Слав. <i>x</i> изъ иде. <i>kh</i>	114—128
В. Изъ области морфологіи	128—190
Общія явленія словообразованія	128—132
Изъ именной флексіи. а) Изъ склоненія основъ на <i>-(i)o</i> (ген. s. 132—138; ном. pl. 138—152 [балт. утрата формы 3 л. множ. ч. 139—140; судьба акутованныхъ	

конечныхъ слоговъ въ литовскомъ 143—146; праслав. -i вмѣсто -ě 147—152]; dat. pl. 152—158 [праслав. -ъ изъ иде. -os? 155—158]; dat. s. 158—162; i. pl. въ славянскомъ 162—165 [авест. i. pl. на -uš? 162—164]; лит. voc. s. 165; i. s. 165; лит. loc. s. 166—167 [формы loc. s. на -ie и -i 166; пр. и лит. нарѣчія на -ai 166²]; a. pl. 167—170 [лит. *ai* изъ акутованнаго а? 170²]; 132—170; b) изъ склоненія основъ на -ā 171—172; c) изъ склоненія основъ на -i и на -u (nom. gen. pl. 172—177 [слав. *uj* изъ *ej*? 172—174; балт. nom. pl. 175—177; лат. gen. s. 175²; иде. -es въ литовскомъ 175—176; лит. nom. pl. на -ies 176¹; выпаденіе гласныхъ въ латышскомъ послѣ j и v 176—177]; loc. s. основъ на -i въ литовско-латышскомъ 177—179; loc. s. основъ на -u въ литовско-латышскомъ 179) 172—179; d) изъ склоненія основъ на согласные 179—180 . . . 132—180

Изъ мѣстоименной флексіи. а) Личныя мѣстоименія (gen., dat. s. 180—181 [*min-* 181]; acc. s. [пр. *tien*, *tien*, *sien*] 181—184; nom. pl. 184; косвенные падежи множ. чис. 184—185) 180—185; притяжательныя мѣстоименія 185—186; b) указательныя и вопросительныя мѣстоименія (gen. s. 186—189 [пр. dat. s. *maiāsmi*, *tvai(ā)smi*, *svaiāsmi* 188]; dat., loc. s. 189) 186—190 . 180—190

Изъ глагольной флексіи	190
С. Изъ области синтаксиса.	190—192
D. Сходство словарнаго состава	192—200
Заключение	200—202
Поправки и дополненія	203—205
Указатель словъ	206—208

Къ вопросу о славяно-балтійскомъ праязыкѣ.

Еще недавно въ лингвистической литературѣ едва ли не единогласно признавалось близкое родство славянскихъ языковъ съ балтійскими, и о «славяно-балтійскомъ праязыкѣ» говорили съ такою-же увѣренностью, какъ объ индо-иранскомъ праязыкѣ. Большинство языковѣдовъ, повидимому, и теперь еще считаетъ единство славяно-балтійскихъ языковъ настолько очевиднымъ, что гипотеза объ особомъ ихъ праязыкѣ принимается чуть не за аксіому. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Гирта (*Die Indogermanen* II 589) черты сходства славянскихъ языковъ съ балтійскими столь многочисленны, что всѣхъ ихъ даже перечислить нельзя. Въ новѣйшее время, однако, все это оспариваютъ такіе выдающіеся лингвисты и вмѣстѣ съ тѣмъ знатоки славянскихъ языковъ, какъ Бодуэнъ-де-Куртенэ и Мелье. По мнѣнію перваго изъ нихъ (*Ж. М. Н. Пр. СССХХХХVI* 330 сл.) въ пользу предположенія общей «эпохи литво-славянской» говорить ничуть не больше и, пожалуй, даже меньше доводовъ, нежели противъ этого предположенія, такъ что мы де имѣемъ полное право считать его ученою фикціей; и далѣе Бодуэнъ-де-Куртенэ тамъ же рѣшительно утверждаетъ, что такого славяно-балтійскаго праязыка никогда не существовало. Доводы противъ предположенія общей славяно-балтійской эпохи, однако, къ сожалѣнію имъ не приводятся. Мелье же говоритъ объ этомъ вопросѣ подробнѣе и въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ предисловіи къ II части своихъ *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, которая посвящена славянскому словообразованію, Мелье говоритъ, что въ области словообразованія славянскіе языки сильно отличаются отъ балтійскихъ языковъ, и что число славянскихъ именныхъ основъ, точно соотвѣтствующихъ балтійскимъ основамъ, не велико. И вообще, по его

мнѣнію, въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ вовсе нѣтъ такого количества общихъ новообразованій, какъ часто полагаютъ, такъ что предположеніе общей славяно-балтійской эпохи ему не кажется позволительнымъ. Мелье даже сомнѣвается, чтобы сходство славянскихъ языковъ съ балтійскими было больше сродства кельтскихъ языковъ съ италійскими. Указанныя же Бругманомъ общія новообразованія славянскихъ и балтійскихъ языковъ Мелье считаетъ не существенными или даже сомнительными. Кромѣ того, продолжаетъ Мелье, два сосѣднихъ индоевропейскихъ языка, развиваясь— даже независимо другъ отъ друга—при столь одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, какъ славянскіе и балтійскіе языки, не могутъ наконецъ не имѣть общихъ чертъ; поразительно поэтому не то, что славянскіе и балтійскіе языки представляютъ сходныя черты, но скорѣе то, что такихъ сходныхъ чертъ такъ мало, и что онѣ такъ маловажны. Въ своей *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes* Мелье еще рѣзче высказывается противъ предположенія общей славяно-балтійской эпохи: между тѣмъ какъ онъ болѣе или менѣе рѣшительно признаетъ даже общую итало-кельтскую эпоху (ср. стр. 41 и 382), довольно многочисленныя черты сродства славянскихъ языковъ съ балтійскими по его мнѣнію обусловлены скорѣе параллельнымъ развитіемъ этихъ языковъ, чѣмъ ихъ позднимъ разъединеніемъ; новообразованія же ихъ скорѣе сходны, чѣмъ тождественны (стр. 46). Въ новѣйшемъ же своемъ трудѣ (*Les dialectes indo-européens*), гдѣ гипотеза объ эпохѣ итало-кельтскаго единства излагается съ еще болѣею увѣренностью, Мелье, подробнѣе разсматривая предположеніе общей славяно-балтійской эпохи, приходитъ къ заключенію, что славянскіе и балтійскіе языки являются потомками одной и той же группы говоровъ индоевропейскаго праязыка, что они развивались при одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, и что, можетъ быть, была даже болѣе или менѣе продолжительная эпоха единства, которая, однако, не произвела никакихъ значительныхъ общихъ новообразованій. Такъ какъ я съ этими выводами Мелье не вполне согласенъ, считая, подобно большинству языковѣдовъ, предположеніе общей славяно-балтійской эпохи не только возможнымъ, но

даже правдоподобнымъ, то я тутъ подвергну этотъ вопросъ подробному разсмотрѣнію.

Въ этомъ вопросѣ съ полнымъ правомъ придаютъ общимъ новообразованіямъ больше значенія, чѣмъ такимъ общимъ чертамъ, которыя одинаково восходятъ къ эпохѣ общаго индоевропейскаго праязыка. Но указано уже также, что и сходныя новообразованія въ двухъ языкахъ могутъ быть лишь случайнымъ совпаденіемъ; такъ, напримѣръ, въ германскомъ и армянскомъ звонкіе взрывные согласные одинаково превратились въ глухіе, но одно это еще не доказываетъ болѣе близкаго родства германской и армянской вѣтвей, но является по всей вѣроятности только случайнымъ совпаденіемъ, ср. Meillet, *Les dialectes indo-européens* стр. 89 слл. Итакъ, число общихъ новообразованій должно быть болѣе или менѣе значительнымъ, чтобы имѣть доказательную силу; а съ другой стороны, значительное число общихъ чертъ, ведущихъ свое начало отъ индоевропейскаго праязыка, также врядъ ли лишено всякой доказательной силы, и поэтому на-ряду съ общими новообразованіями мною будутъ приведены также общія черты старины. При этомъ я къ числу общихъ особенностей, указанныхъ уже Ганушемъ (*Rozprawę i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego akademii umiejętności w Krakowie* XI 249 слл.), Бругманомъ (*Grundriss der vergleichenden Grammatik* I² 20 сл.) и Гиртомъ (*Die Indogermanen* II 589 сл.), прибавлю еще нѣсколько другихъ.

А. Изъ области фонетики.

Уже Ганушъ I. с. и Бругманъ I. с. указали на большое сходство въ дальнѣйшемъ развитіи праиндоевроп. *ɣ, ʃ, m, n*¹⁾ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ: праиндоевр. *ɣ, ʃ, m, n* > прабалт. *ir, il, im, in* (рѣже *ur, ul, ut, un*), праслав. *ѣр, ѣл, ѣм, ѣн* (рѣже *ѡр, ѡл, ѡм, ѡн*; а прасл. *ѣ, ѣ*, какъ извѣстно, получаютъ изъ праиндоевр. *i, u*), причемъ въ прабалтійскомъ эти сочетанія сохраняются во всякомъ

¹⁾ Этими буквами я пользуюсь (по отношенію къ индоевр. праязыку) только какъ общезвѣстными условными знаками; какъ звучали въ дѣйствительности обозначаемые ими звуки, этого мы не знаемъ (т. е. по крайней мѣрѣ, одна часть языковѣдовъ).

положеніи, между тѣмъ какъ въ праславянскомъ сочетаніи *ѣм*, *ѣн* (*ѣм*, *ѣн*) въ положеніи передъ еогласными подвергаются дальнѣйшимъ измѣненіямъ ¹⁾. Это сходство, правда, было бы лишено доказательной силы въ данномъ вопросѣ, если бы подтвердилось мнѣніе Вондрака (Vergl. slav. Gramm. I 327 слл.), по которому гласные передъ (и изрѣдка послѣ) *l*, *r*, *m*, *n* возникли только послѣ распаденія славяно-балтійскаго единства, такъ что въ праславянской и прабалтійской ²⁾ языки перешли еще *l̥*, *r̥*, *m̥*, *n̥*. Но доводы Вондрака не убѣдительны. Онъ ссылается, главнымъ образомъ, на то обстоятельство, что балтійскому *i* въ этихъ сочетаніяхъ иногда соотвѣтствуетъ праслав. (не *ѣ*, но) *ѣ* и наоборотъ, напр. лит. *mīrgėti*: р. *моргатъ*, лит. *suībti*: р. *сербатъ* и др. Но вѣдь такое разногласіе мы наблюдаемъ иногда даже между отдѣльными нарѣчіями одного и того же языка; ср. наприм. нижнелат. *tumsa* «темнота»: восточнолат. *timsa* или (съ діалектическимъ переходомъ *i* въ *y*) *tymsa* (наприм. у Вецценбергера Lett. Dial.-Stud. 95²). Слѣдуя аргументаціи Вондрака, мы должны были бы прійти къ заключенію, что *i* и *u* при *r*, *l*, *m*, *n* возникли на латышской почвѣ только послѣ діалектическаго развѣтвленія пралатышскаго языка, и что нѣтъ никакой взаимной связи не только между прабалт. *ir* (*ur*) и т. д. и праслав. *ѣр* (*ѣр*) и т. д., но также литовскимъ *ir* (*ur*) и т. д. и латышскимъ *ir* (*ur*) и т. д. и даже между восточнолат. *ir* (*ur*) и т. д. и нижнелат. *ir* (*ur*) и т. д. Невозможность этого, однако, слишкомъ очевидна. Какъ восточнолат. *timsa*, рядомъ съ нижнелат. *tumsa*, намъ не мѣшаетъ приписывать *ir* (*ur*) и т. д. (изъ праиндоевр. *ṛ* и т. д.) уже пралатышскому языку, такъ и р. *моргатъ*, рядомъ съ лит. *mīrgėti*, и другіе тому подобные единичные примѣры разно-

¹⁾ Также *p*, *l*, измѣняясь въ этихъ сочетаніяхъ, въ общеславянскомъ вѣроятно сдѣлались слоогобразующими, ср. статью Шахматова, Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. VII 1, 280 слл. Дальнѣйшія же измѣненія праславянскихъ *ѣм*, *ѣн* (*ѣм*, *ѣн*) требуютъ особаго экскурса, который, можетъ быть, будетъ помѣщенъ въ концѣ этихъ изслѣдованій.

²⁾ У Вондрака I. с. 329 вмѣсто «прабалтійскаго» говорится въ данномъ случаѣ о «литовскомъ» языкѣ, но въ виду извѣстной неточности Вондрака въ выраженіяхъ надо полагать, что подъ «литовскимъ» онъ тутъ разумѣетъ прабалтійскій языкъ.

гласія еще не доказываютъ, что въ эпоху славяно-балтійскаго единства (которое признается и Вондракомъ) еще существовали г, љ, м, п. Какъ распаденію индоевропейскаго праязыка предшествовало діалектическое развѣтвленіе его, такъ и славяно-балтійскій праязыкъ, если таковой существовалъ, мы должны себѣ представлять распавшимся на два нарѣчія, и это діалектическое развѣтвленіе и отражается въ разногласіи между лит. *mirgėti* и р. *моргамъ*. Что еще на «литовской» (т. е. прабалтійской) почвѣ существовали г, љ, м, п, это Вондракъ далѣе пытается доказать ссылкой на гипотезу Беценбергера (ВВ. III 133 сл.), по которой *t* въ лит. *stirna*, лат. *stiřna* (но также *sirna*, ср. KZ. XLII 378), рядомъ съ црксл. *сръна*, и отсутствіе начальнаго *d-* въ лит. *ilgas*, лат. *ilgs*, прусск. *ilga*, рядомъ съ црксл. *длгъ*, и въ прусск. *insuwis*, црксл. *нзыкъ*, рядомъ съ гот. *tuggō*, объясняются существованіемъ г, љ и т. д. еще въ прабалтійскую эпоху. Но послѣ убѣдительнаго опроверженія этой гипотезы со стороны Шмидта (Kritik 32 сл.), о которомъ Вондракъ напрасно даже не упоминаетъ, по моему мнѣнію слѣдуетъ отказаться отъ нея¹⁾. Наконецъ, по мнѣнію Вондрака (I. с. 336), существованіе п еще въ праславянскомъ языкѣ доказывается формами *кнѣга* и *гнати*, которыя онъ возводитъ къ праслав. **knning* (sic!) и **gnnati* (sic!). Если даже допустимъ²⁾, что дѣйствительно къ такимъ формамъ восходятъ *кнѣга* и *гнати*, что

¹⁾ Возраженія Беценбергера (Gött. gel. Anz. 1896 г., стр. 955 сл.) меня, по крайней мѣрѣ, не убѣждаютъ: примѣры, противорѣчащіе его гипотезѣ, не устранены. Относительно лит. *dilgynė*, *dilginti* Беценбергеръ говоритъ: «Diese Wörter kommen aber in den verwandten Sprachen nicht vor und können als litauische Neubildungen nicht den Maasstab für das aus der Grundsprache stammende *ilgas* abgeben». Родственные съ лит. *dilgynė* слова во всякомъ случаѣ имѣются (др.-прл. *delg* «шипъ» и др.), и нѣтъ никакого основанія не возводить лит. *dilg-* непосредственно къ идс. *dhlg-*; догадка же Фортунатова (AfslPh. XI 571), что *d-* отпало только передъ долгимъ љ, не подтверждается фактами (ср. лит. *dilgti*). Далѣе противорѣчатъ гипотезѣ Беценбергера лит. *sirgti su* «заботиться о» Viltis 1908 г., № 82 (: гот. *saurga* «забота» и др.), лат. *sirpe* (: р. *сепнъ* и др.). Правъ однако Беценбергеръ въ томъ, что, считая лит. *stirna* заимствованнымъ, мы этимъ все еще не объясняемъ его *t*. Оно столь же неясно, какъ *m* въ р. *сморожъ* (: лит. *sargas*), а лит. *ilgas*: црксл. *длгъ* = лит. *ašarà*, скр. *ašru*: гр. *δακρυ* и др.

²⁾ Ср. однако указанія Микколы въ Rocznik Slawistyczny I 14.

же намъ мѣшаетъ думать о переходѣ *u* въ *un* (>праслав. *ъn*) еще въ эпоху славяно-балтійскаго единства? Итакъ, мнѣніе Вондрака объ отношеніи праслав. *ur* (*ur*) и т. д. къ прабалт. *ir* (*ur*) и т. д. я считаю недоказаннымъ. Другіе же полагаютъ, что гласный въ этихъ сочетаніяхъ (или, по крайней мѣрѣ, извѣстная окраска сонантовъ *r* и т. д.) возникъ уже въ эпоху индоевропейскаго праязыка. Такъ, напр., Бругманъ, по мнѣнію котораго *ir* и т. д. изъ праиндоевр. *r* и т. д. получилось въ эпоху славяно-балтійскаго единства, говоритъ относительно происхожденія и слѣдующее (Kurze vergl. Gramm. § 185, 3): «Zum Teil... muss... schon voreinzelsprachlich die u-Farbe vorhanden gewesen sein und zwar nicht als Überbleibsel der Färbung des Vollstufenvokals, sondern als Ergebniss assimilatorischer Einwirkung von (labialen und velaren) Nachbar-konsonanten auf den bereits reduzierten Vokal». И Grdr. d. vrgl. Gramm. I² 396 (ср. также стр. 410 и 453 сл. и Griech. Gramm.³ 85) онъ возводитъ наприм. греч. *μοριόρω* къ праиндоевр. **m^hr-* (съ неслоговымъ *u*). Мелье же, повидимому, склоненъ думать, что также *i* въ этихъ сочетаніяхъ возникло еще въ эпоху индоевропейскаго праязыка: «...il semble que le timbre de la voyelle accessoire qui se joint à la sonante voyelle ait été fixé dès l'indo-européen, et qu'il y ait là un fait dialectal de date indo-européenne» (Les dialectes indo-européens 41 сл.). И указавъ на кельтское *ri*, *li* изъ праиндоевр. *r*, *l* и германское *ur*, *il*, *un*, *um* изъ праиндоевр. *r*, *l*, *u*, *m* и на единичные примѣры съ *u* также въ армянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, онъ заключаетъ: «Le parallélisme de balt. *ir* et sl. **ir*, balt. *ur* et sl. **ur*, etc. remonte donc à l'époque indo-européenne commune». Но, съ одной стороны, *i* въ кельтскомъ (и также въ албанскомъ) стоитъ *послѣ* плавнаго звука, въ славяно-балтійскомъ же обыкновенно *передъ* нимъ (о перестановкѣ же тутъ думать нельзя), причемъ здѣсь *ir*, *il* стоятъ также передъ гласными, между тѣмъ какъ въ кельтскомъ мы въ этомъ положеніи находимъ *ar*, *al*; а, съ другой стороны, въ славяно-балтійскомъ стоитъ *i* не только передъ плавными, но также передъ носовыми, между тѣмъ какъ въ кельтскомъ праиндоевр. *u*, *m* въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи передъ согласными совершенно расходятся съ праиндоевр.

г, ѡ (ср. Pedersen, Vergl. Gramm. d. kelt. Sprachen 45 сл.). Въ виду этого я считаю недоказаннымъ это мнѣніе Мелье, по которому гласный въ балтійскомъ *ir, il* и въ праславянскомъ *ѣр, ѣл* восходитъ къ эпохѣ индоевропейскаго праязыка, и полагаю, что между *i* (*ѣ*) въ славяно-балтійскомъ и *i* въ кельтскомъ въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой взаимной связи. Впрочемъ, Мелье пришелъ, вѣроятно, къ такому заключенію относительно древности гласнаго въ балтійскомъ *ir* и т. д. и праславянскомъ *ѣр* и т. д. не столько на основаніи кельтскаго *ri, li*, сколько въ виду единичныхъ примѣровъ съ *и* (въ чередованіи съ *е*) при плавныхъ (и носовыхъ) также внѣ славянско-балтійскихъ (и германскихъ) языковъ, считая, — кажется, съ полнымъ правомъ, — славяно-балтійскія *ir* (*ѣр*) и т. д. и *ur* (*ѣр*) и т. д. (изъ праиндоевр. *г* и т. д.) одинаково древними, между тѣмъ какъ по ученію Бругмана *ur* и т. д. почему-то древнѣе *ir* и т. д. Поэтому обратимся теперь къ примѣрамъ съ *и*, приводимымъ Бругманомъ (Grundriss d. vergl. Gramm. I² 453 сл. и Kurze vergl. Gramm. 123) и другими. Прежде всего тутъ слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ, какъ отчасти уже указано другими, *и* получилось не изъ *е*, но изъ *eu* (или *ѣе*). Такъ, напримѣръ, латинское *liber* «лыко» (съ *i* изъ *и*) Sommer въ своемъ Handbuch der lat. Laut-und Formenlehre 55¹ правильно сопоставляетъ съ р. *лубъ*; литовское же *lupù* «луплю» чередуется съ лит. *ap-laupyti* (у Юшкевича) «обобрать», латышск. *laipit* «обирать», праслав. **lypiti* (ср. Hirt, Ablaut 135 сл.). Рядомъ же съ греч. *ζυφείν* «всасывать» (рядомъ съ *ζοφείν*; ср. также *ζοιβδέιν* «съ шумомъ проглатывать») и среднеирл. *srub* «рыло» стоитъ лит. *iš-sraubti* или *iš-sriaubti* «выхлебать» (у Юшкевича подъ однозначашимъ *išsruobti*), и при звукоподражательномъ характерѣ ¹⁾ этого корня нѣтъ никакого основанія думать (какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Walde подъ *sorbeo*) о вторичномъ происхожденіи *au* въ лит. *sr(i)aub-* рядомъ съ *и* въ *sriubà* «соусъ, супъ» (гдѣ *í* вмѣсто *r* вѣроятно подъ вліяніемъ *sriaubti* изъ **sreubh-*). Однозначашія индоевропей-

¹⁾ Ср. еще однозначашія нидерландское *slurpen*, н. *schlürfen*, нижненѣмц. *slubberen*, норв. *slupra* «хлебать, всасывать», и лит. *sulpėti* «saugen».

скія корневые формы *serbh-*, *srēbh-*, *sreubh-* можно было бы, пользуясь приемами Гирта, съ нѣкоторою натяжкою выводить изъ общей праформы *serēubh-*¹⁾, но тому подобныя праформы, по моему мнѣнiю, во многихъ случаяхъ являются лишь праздными затѣями, вызванными предубѣжденiемъ, будто-бы подобныя другъ-другу формы отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ непремѣнно восходятъ къ одной и той же индоевропейской праформѣ. Какъ въ области склоненiя и спряженiя, по крайней мѣрѣ отчасти, уже отказались отъ мысли, что всѣ флексивныя окончанiя отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ восходятъ непремѣнно къ однѣмъ и тѣмъ же праформамъ, и въ связи съ этимъ заговорили даже о «говорахъ индоевропейскаго праязыка» (ср. вышеупомянутую книгу Мелле), такъ и въ области словообразованiя въ этомъ праязыкѣ было вѣроятно не меньше разнообразiя, чѣмъ въ современныхъ языкахъ. Хорошимъ образчикомъ этого разнообразiя является, напримѣръ, латышское слово, соотвѣтствующее по своему значенiю русскому «стройный»: въ словарь Ульмана даются однозначашiя формы *smīdrs*, *smīdrs*, *smīdr̥s*, *smudrs*, *smaudrs*, *šmaudrs*, *šmuodrs*, *snīdrs*, и изъ сборника народныхъ пѣсенъ, изданнаго подъ редакцiею Барона и Виссендорфа, можно еще прибавить *snīdrs* 4657, *šnīdrs* 5436 вар., *šnīdrs* 5348 вар., *šmīdr̥s* 5301 вар., *šmudrs* 12210 вар., *snaīdrs* 20470, 17, *šmīdr̥s* 20470 вар.²⁾ Позволительно думать, что впослѣдствiи большая часть этихъ однозначашихъ формъ выйдетъ изъ употребленiя и уцѣлѣетъ только нѣсколько формъ. А потому подобныя явленiя могли встрѣчаться и въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Самъ Бругманъ говоритъ Grdr. d. vergl. Gr. I² 547: «Man

1) Sütterlin (IF. XXV, 54¹) считаетъ возможнымъ возводить *ῥοφειν* и *ῥοφειν* къ корневой формѣ *sreuebh-*.

2) Относительно формъ съ начальнымъ *šm-*, *šn-* ср. мою статью KZ. XLII, 376 сл. Формы *smīdrs*, *smīdr̥s* вѣроятно родственны съ *šmaigans* «стройный» (съ *šm-* изъ *sm-*), лит. *šmaĩgas* «козъ, тычина, жердь», польск. *šmigły* «стройный, тонкій, герм. **smikra-* у Фика Vergl. Wörterb. III⁴ 530; формы же *smudrs*, *smaudrs*—съ *smaugs* «стройный», о которомъ ср. Fick I. c. III⁴ 532. Форма *smīdr̥s* возникла, можетъ-быть, путемъ контаминацiи корневыхъ формъ *sm(a)i-* и *sm(a)u-*. Съ формами же *snīdrs*, *snīdr̥s*, *snaīdrs* ср. однозначашiя формы *snaigs* и *snaiks* (рядомъ съ однозначашами *slaiks* и *slaiids*).

muss beachten, dass ähnlich lautende und bedeutungsähnliche und doch nicht lautgesetzlich irgendwie zu vereinigende Wurzeln auch sonst vorkommen». Въ виду этого я не вижу также никакой надобности выводить и непременно изъ слоговыхъ плавныхъ въ словахъ: арм. *ekul* «онъ проглотилъ» и *kur* «кормъ, ѣда» (гдѣ и можетъ восходить также къ *ō*) и латинск. *gula* «глотка», *gurges* «пучина», *gurgulio* «горло» (корень тутъ звукоподражательный ¹⁾), и рядомъ съ корневыми формами *gel-*, *g^wel-* и *ger-*, *g^wer-* могли существовать формы *g^wel-*, *gul-* и *g^wer-*, *gur-*, ср. статью Гирта JF. XVII, 388 слл. и Trautmann KZ. XLII, 372 и лат. слово *guttur* «горло»; греч. *μορμύρειν* «шумѣть» (относительно формы удвоенія ср. наприм. *τορθρός* «шепотъ», *γογγύλος* «круглый», *πορφύρειν* «волноваться», о которомъ ср. наприм. Zupitza KZ. XXXVI, 58, Bezzenberger VB. XXVI, 188 и этимологическій словарь Walde подъ *furere*), латинск. *murmurare* «бормотать, журчать» (корень звукоподражательный; ср. также латыш. *mauruōt* ²⁾ «мычать» и скр. *murmura-s* «трещащій огонь»); греч. *ἄγυρις* «собораніе» (рядомъ съ корневою формою *ger-* могло существовать *g^wer-*: *gur-*, ср. Hirt Ablaut 12); греч. *σχυρδάλιος* «юноша» (можетъ-быть, отъ корневой формы *sk^werdh-*); греч. *πτύρειν* «пугать» (ср. греч. *πτοεῖν* «пугать», латинск. *pavere* и др. въ словарѣ Walde); греч. *σύρειν* «тащить» (можетъ-быть, къ корню *t^wer-*: *tur-*, ср. словарь Прельвица и Hirt Ablaut 12); греч. *γυνή* (можно думать о чередованіи корневыхъ формъ *g(ū)en-*: *gun-*, Sütterlin JF. XXV, 54, ср. отношеніе греч. *χύκλος*: прагерм. *h^wechvula-* у Фика l. c. III⁴ 116 и также Hirt l. c. 12); греч. *κυλί(νδ)ειν* или *κυλινδεῖν* «катать, валять» (ср. латышск. *kūlis* или *kūlīnš* или *kūlenis* «кувырокъ», *kūlīnš mest* или *kūl'uoš lēkt*, лит. *kūli veīsti* «sich kopfüber stürzen, ein Rad schlagen», латышск. *kūlīnš iēt* «sich fortwälzen», *kūlētis* «sich unruhig hin und her legen»); греч. *πρῶμη* «корма» (сопоставленіе этого слова съ прскл. *крма*, р. *корма* я не считаю убѣдительнымъ уже въ виду несогласія греческаго *ov*

¹⁾ Ср. арамейское *gaggartā* «горло» изъ **gargartā*.

²⁾ Считать лат. *mauruōt* заимствованнымъ изъ финскихъ языковъ, какъ это дѣлаетъ Thomsen Beröringer 269, я не вижу никакой надобности, ср. латышск. однозначая *maut* и *bauruōt*.

съ праславянскимъ *ър*; затѣмъ греч. *πρόμνη* ¹⁾ очевидно представляетъ собою женскій родъ прилагательнаго *προυνός* «крайній» ²⁾, которое по всей вѣроятности родственно съ существительнымъ *πρέμνον* «стволь, комель», см. словарь Прельвица подъ *πρόμνα*, а въ *πρέμνον* *π* восходитъ, можетъ-быть, скорѣе къ индоевропейскому *p*, чѣмъ къ индоевр. *h^{ap}*, см. Prellwitz l. c. подъ *πρέμνον* ³⁾ и Petersson JF. XXIII, 402. А что до *υ* въ *προυνός*, то оно, можетъ-быть, возникло путемъ контаминаціи однозначащихъ формъ **προμνός* и **πυμός*, откуда *πύματος* «крайній, послѣдній», о которомъ ср. наприм. словарь Walde подъ *puppis*. Такая контаминація была бы конечно возможна и въ томъ случаѣ, если бы **προμνός* и *πρέμνον* дѣйствительно были родственны съ црксл. *крѣма*). Остается однако еще нѣсколько греческихъ словъ съ *υ* вмѣсто ожидаемаго *α* (или *ο*), какъ наприм. *μύλη* «мельница», *φύλλον* «листъ» и др.; чаще всего такое *υλ*, *υρ* встрѣчается въ положеніи *послѣ губныхъ* (и *заднегубныхъ*) *передъ гласными и j*. Можетъ-быть первоначально *υρ*, *υλ* (вмѣсто *αρ*, *αλ*) и имѣли мѣсто въ этомъ положеніи? Въ такомъ случаѣ формы въ родѣ *σπαίρειν* «барахтаться», *βαλεῖν* «бросить» и др. получили бы свое *α* вмѣсто *υ* по аналогіи съ формами съ законнымъ *α*. Или же, можетъ-быть, первоначально чередовались формы съ *α* и *υ* (наприм. **σπύρω*, *σπαίρεις*, *σπαίρει*, **σπύρωμεν*, *σπαίρετε*, **σπύρονσι* и т. д.), т. е., можетъ быть, *υ* первоначально имѣло мѣсто только передъ гласными (*j*)*ο*, (*j*)*υ*; въдь статья Шмидта KZ. XXXII, 321 слл. показала намъ, что ассимиляція гласныхъ играла извѣстную роль и въ греческомъ языкѣ. Этими догадками я волей-неволей ограничиваюсь въ данномъ случаѣ, такъ какъ первоначальное распредѣленіе гласныхъ могло быть измѣнено до неузнаваемости подъ вліяніемъ аналогіи. Но какъ бы то ни

¹⁾ Относительно формы *πρόμνη* ср. теперь Solmsen, Beiträge z. griech. Wortforschung I 254 слл.

²⁾ Подразумѣвается конечно существительное *κῆδς*; относительно ударенія ср. наприм. *λευκός* «бѣлый»: *λευκή* «бѣлый тополь» и др., Brugmann Griech. Gramm.³ 162.

³⁾ Бругманъ, правда, сопоставляетъ это слово съ древнеирл. *craun*, новокимр. *prenn* «стволь» (Grdr. I² 375 сл.), но ср. теперь Pedersen, Vergl. Gramm. der keltischen Sprachen 167 сл.

было, выводить *vr*, *vl* изъ *r*, *l* во всякомъ положеніи и думать о возникновеніи гласнаго *и* въ этихъ сочетаніяхъ еще въ эпоху индоевропейскаго праязыка и о непосредственной связи греческаго *vr*, *vl* съ балтійскимъ *ur*, *ul* и праславянскимъ *gr*, *gl* я считаю неудобнымъ и потому, что вѣдь рядомъ съ *v* въ корняхъ ряда *e* встрѣчается иногда также не менѣ загадочное *i*, какъ въ *ρίζα* «корень», *πινθίς* «искра», діал. *iv=ér*, кипр. *πινός* «сѣрый, черноватый» (рядомъ съ *πελός* «почернѣвшій»), *σκιρτάν* «прыгать» (рядомъ съ *σκηρὸν ὄντα σκιρτῶντα παῖδα* Hesych. и *σκαίρειν* «прыгать») и др. (наприм. у Кречмера KZ. XXXI, 375 слл., Г. Мейера Griech. Gramm.³ 68 и Гирта Ablaut 15).—Обратимся теперь къ даннымъ латинскаго языка. И здѣсь въ довольно многихъ словахъ *ur*, *ul* возводятся непосредственно къ индоевропейскимъ слоговымъ плавнымъ. Но тутъ я прежде всего замѣчу, что въ части этихъ формъ, такъ наприм. въ *urgere* «тѣснить», *surdus* «глухой» (если оно дѣйствительно родственно съ гот. *swarts* «черный») и др., гдѣ по господствующему мнѣнію передъ *и* отпало *w*, *и* по моему мнѣнію скорѣе представляетъ собою слабую ступень индоевропейскаго *ce*, и таково же, можетъ-быть, происхождение гласнаго *и* также въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ, гдѣ родственныя съ ними формы другихъ языковъ являются безъ *ц*. Затѣмъ это *и* встрѣчается въ латинскомъ языкѣ главнымъ образомъ передъ согласными, между тѣмъ какъ въ греческомъ языкѣ *vr*, *vl* являются, кажется, чаще передъ гласными и *j*, чѣмъ передъ согласными, причемъ такихъ примѣровъ, гдѣ бы греческому *v* въ данномъ положеніи соотвѣтствовало *и* также въ латинскомъ языкѣ и наоборотъ, почти вовсе нѣтъ, и что еще важнѣе, *и* въ латинскомъ языкѣ является не только въ случаѣ индоевропейскаго слогового плавнаго, но также на мѣстѣ стараго *o*, какъ это всѣми признано. Относительно перехода *o* въ *и* устанавливаютъ, правда, извѣстныя правила («передъ *m* и задненебнымъ *n*»), но это—правила съ исключеніями (*domus*, *longus* и др.), и кромѣ того наблюдается переходъ *o* въ *и* также въ другомъ положеніи, по преимуществу передъ *r*, относительно чего характерны слова Зоммера Handbuch der latein. Laut-und Formenlehre 81: «Wo ein Labial oder Labiovelar vorhergeht, kann man in *ur* für *or* den Reflex des

idg. *u*- Timbres der liquida sonans sehen;... Viel hilft das auch nicht, da bei weitem nicht alle Fälle damit erklärt werden können». Далѣ я считаю неудобнымъ возводить латинское *ur* (*ul*)¹⁾—рядомъ съ *or* (*ol*)—непосредственно къ индоевропейскому *ṛ* (*ṛ*) также потому, что разница по тембру между *ṛ* и *ṛ* (и притомъ еще въ неударяемомъ положеніи!) кажется слишкомъ незначительною для того, чтобы она могла быть сохранена. Наконецъ, какъ въ греческомъ, такъ и въ латинскомъ языкѣ въ корняхъ ряда *e* является иногда не только *u*, но и *i*, какъ наприм. въ *simpulum* «ковшикъ», *villus* «косма» и др. (гдѣ происхождение *i* остается неяснымъ также послѣ изслѣдованія Нидермана E und J im Lateinischen 43 сл. и 66 сл.), такъ что Миккола пришелъ ВВ. XXII, 252 (въ сноскѣ) даже къ заключенію: «Im Lat. sind nur *in*, *im*, wie auch *un*, *um*, *il*, *ir*, *ul*, *ur* als tiefstufen zu betrachten. Z. b. *quinque* ist nicht mit lit. *penki*, sondern mit germ. (ahd.) *funf* gleichzustellen. Ich behaupte auch, dass der ablaut *e*:*i*, *o*:*u*, der besonders reichlich im Balt. und Slav. vertreten ist, aber auch in anderen idg. sprachen vorkommt, schon aus der ursprache stammt». И въ самомъ дѣлѣ, кто вѣрить въ непосредственную связь греческаго *ṛ*, *ṛ* и латинскаго *ur*, *ul* съ балтійскимъ *ur*, *ul* и праславянскимъ *ṛ*, *ṛ*, долженъ бы, кажется, послѣдовательно держаться аналогичнаго мнѣнія относительно сочетанія плавныхъ и носовыхъ съ *i* въ этихъ языкахъ. А если согласиться съ этимъ, то какого происхожденія въ такомъ случаѣ греч. *α* (*ρα*), *α* (*λα*) и латинск. *or*, *ol*, *en*, *et* въ такихъ формахъ, гдѣ родственные языки указываютъ на слабую ступень? Въ виду всего этого я скорѣе полагаю, что подобно тому какъ (по господствующему мнѣнію) латинское *i* и греч. *i* въ корняхъ ряда *e* замѣнили собою—по неизвѣстнымъ причинамъ—болѣе старое *e* (*ε*), такъ и латинск. *u* и греч. *u* (поскольку оно не возникло при вышеупомянутыхъ особыхъ условіяхъ) въ корняхъ этого же ряда при

¹⁾ Впрочемъ, *ol* передъ согласными (за исключеніемъ *l*) въ положеніи не послѣ *v* въ латинскомъ языкѣ, какъ извѣстно, правильно переходитъ въ *ul*, и поэтому Бругманъ безъ основанія въ числѣ примѣровъ съ *u* приводитъ также *fulvos* «темножелтый», гдѣ *ul* можетъ несомнѣнно восходить къ *ol*, если только это дѣйствительно корень ряда *e*, ср. теперь Niedermann JF. XV, 121.

невыясненных еще условіяхъ вытѣснили собою болѣе старое *o* (греч. *ὄψ* столь же загадочно, какъ и *ἵππος*).—Что же касается кельтскихъ языковъ, то кромѣ среднеисл. *srub*, о которомъ уже сказано выше, Педерсенъ въ своей *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen* стр. 43 относитъ сюда ирл. *dluigim* «колю» (съ которымъ сближаютъ древнеисл. *telgia* «вырѣзывать»), ирл. *ad-tluich* «благодарить», *to-tluich* «просить», кимр. *adolwg* «просить» (съ которыми сопоставляютъ прксл. *млкъ* «толкъ») и (самъ сомнѣваясь) ирл. *mruig* «окраина, область» (:гот. *marka* «граница» и др.), возводя въ нихъ *-lu-*, *-ru-* къ индоевропейскому *l*, *r*. Если, однако, этимологія всѣхъ этихъ словъ вообще установлена правильно, то все-таки, насколько я знаю, ничто намъ не мѣшаетъ выводить *u* въ этихъ кельтскихъ словахъ изъ болѣе стараго *o*; *dluigim*, напримѣръ, совершенно однородно съ ирл. *-tuigim* «крою» (ирл. *dluigim* и древнеисл. *telgia* можно, значить, возводить къ корневой формѣ *deleg-*), а рядомъ съ *mruig*, какъ Педерсенъ самъ указываетъ, стоятъ соответствующія формы другихъ кельтскихъ языковъ, сохранившія еще старое *o* (брит. *bro*, гал. *Allo-broges*), ср. также Thurneysen, *Handbuch des Alt-irischen*, § 71. Итакъ, данныя кельтскихъ языковъ, по моему мнѣнію, даютъ еще меньше основанія говорить объ особомъ *u*, *u*, въ индоевропейскомъ языкѣ, чѣмъ данныя греческаго и латинскаго языковъ.

Обращаясь теперь къ вопросу, при какихъ условіяхъ является гласный *u* (праслав. *ѹ*) въ сочетаніи съ плавными и носовыми въ корняхъ ряда *e*, я уже буду имѣть въ виду только формы балтійскихъ и славянскихъ языковъ, такъ какъ ихъ *u* (*ѹ*) въ данномъ случаѣ вѣроятно не имѣетъ ничего общаго съ греческимъ *υ* и латинскимъ (кельтскимъ и армянскимъ) *u*. Вопросъ этотъ тѣмъ труднѣе, что въ этомъ отношеніи, какъ уже выше указано, иногда расходятся другъ съ другомъ не только славянскіе языки съ одной стороны и балтійскіе языки съ другой стороны, но даже нарѣчія одного и того же языка (примѣры—не всѣ ¹⁾)—совпаденія балтій-

¹⁾ Можно наприм. еще прибавить: лит. *kūrpė*, латышск. *kuīre*, пр. *kurpe* «башмакъ», серб. *крпѣ* «calceatus quidam per nives vadantium», н. *karpie* «лапти» и др. ср. Krčak Grupy 89 слл.; лит. *būrtas* или (псалтырь 1625 г., пс. 16, 6)

скаго *и* съ праславянскимъ *ѣ* даютъ I. Шмидтъ KZ. XXXII, 384¹ и Бругманъ Grdr. d. vrgl. Gr. I² 453 сл.). Бецценбергеръ пришелъ (BB. XVII, 213 сл.) къ заключенію, что балтійскія *ur*, *ul* и т. д. являются только въ двусложныхъ корняхъ. Нельзя однако этого доказать относительно всѣхъ формъ съ *ur*, *ul* и т. д.; ср. наприм. лит. *sluĩkĩus* «Schleicher» при *slĩĩkti* «schleichen», праслав. **mьrь* (рус. *морь*, серб. *mr* и др.), лит. *tuĩgus* «рынокъ» и др. Затѣмъ Бецценбергеръ самъ признаетъ, что въ формахъ, ведущихъ свое начало отъ двусложныхъ корней, являются также *ir*, *il* и т. д. А то обстоятельство, что въ однихъ случаяхъ являются *ur*, *ul* и т. д., въ другихъ же — *ir*, *il* и т. д., онъ объясняетъ предположеніемъ, что рефлексъ плавныхъ и носовыхъ сонантовъ «von der färbung je des zweiten wurzelvocal desjenigen lautcomplexes abhängig war, aus welchem *ĩ*, *ĩ* hervorging, dass also das *i* von z. b. *ĩlgas* durch das von *δολιχός*... bedingt ist. In gleicher weise lassen sich auch z. b. *irĩũ* «rudere», *ĩrtojĩs* «ruderer»: gr. *ῥότης*, lit. *kirkĩũ* «kreische»: gr. *κερκιθαλĩς* «reiher» (dagegen *kuĩkti*, *krokti*...: *κέρκας* «habicht») auffassen. Diese annahme führt freilich—da z. b. *ĩlgas* auf grundsprachlichem *dĩghó-s* beruht—zu der weiteren, dass bereits in der grundsprache mindestens zwei, verschieden gefärbte schwas vorhanden waren (l. c. 220 сл.). Но это предположеніе о вліяніи гласнаго втораго корневаго слога не можетъ считаться доказаннымъ приведенными тремя примѣрами, и ему противорѣчатъ формы въ родѣ лит. *grumėntĩ* «гремѣть» (: греч. *χρεμετίζειν* «ржать»), лит.

burta «жребій», латышск. *burtas kuds* «бирка», р. *бортъ* и др. (ср. Потебня Жив. Стар. 1891 г. III 119 сл. и Mikkola Сборникъ въ честь Ягича 362); чрксл. *грьстъ*, р. *горстъ*, латышск. *gursle* «связка льна» (первоначально «горсть» льна). Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ славянскомъ сочетаніи *ѣл* въ положеніи передъ согласными совпало въ большинствѣ случаевъ съ *ѣл*, такъ что (за исключеніемъ немногихъ западно-славянскихъ формъ въ родѣ п. *wilk* „волкъ“, ср. Pedersen KZ. XXXVIII, 320) качество первоначальнаго гласнаго передъ *л* обнаруживается только въ положеніи послѣ заднебныхъ: а иногда получалось *ѣ* изъ *ѣ* (и наоборотъ) подъ вліяніемъ гласнаго слѣдующаго слога (ср. наприм. указанія Фортунатова въ Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Н., т. XIII, кн. 2, стр. 4 сл. и Вондрака Vrgl. slav. Gramm. I 150 сл.), такъ что въ виду однозначащаго лит. *grumėti* (у Юшкевича), р. *грьмѣть* и п. *grzmieć*, напримѣръ, восходить, можетъ-быть, черезъ *грьмѣти* къ **грьмѣти*.

kūrpē и пр. (: латинск. *carpisculum* родъ обуви, древнирл. *cairem* «сапожникъ» и др.), лит. *šuĩmai* «abgebröckelte torfstückchen, abfall von torf oder dgl.». Bezenberger l. c. 217 и Litauische Forschungen 186 (: скуп. *asarĩt* «zerbrach», авест. *sairi-* «Bruchstück», латинск. *caries* «гнилость») и друг. Въ виду всего этого гипотеза Беценбергера о происхожденіи *ur*, *ul* и т. д. не можетъ считаться правдоподобной.— Болѣе распространеннымъ (благодаря Бругману) и чуть не господствующимъ въ настоящее время, кажется, можно считать то мнѣніе, по которому балт. *ul*, *ur* и т. д. является (вмѣсто *il*, *ir* и т. д.) въ положеніи послѣ губныхъ и (лабиализованныхъ) заднеязычныхъ. Правда, оно не высказывается въ такой опредѣленной формѣ. Такъ, наприм., Бругманъ считаетъ (въ Kurze vrgl. Gramm. 123) «die u-Farbe» за «Ergebniss assimilatorischer Einwirkung von (labialen und velaren) Nachbarkonsonanten auf den bereits reduzierten Vokal»; съ большей опредѣленностью онъ говоритъ объ «u-Entwicklung bei r, l hinter Labialen, Velaren etc.» въ своемъ Grdr. I² 455 (и тутъ дѣло не обошлось безъ etc.). И Зоммеръ говоритъ (въ Handbuch der lat. Laut- und Formenlehre, стр. 54): «Bereits in der idg. Ursprache bekamen r und l bisweilen ein u-farbiges Timbre infolge der umgebenden Laute, namentlich nach Labialen und Labiovelaren. Das u-Timbre trat aber durchaus nicht unter allen Umständen in dieser Stellung ein: bisweilen erscheinen Formen von einer Wurzel mit r, l in der einen Sprache u-farbig, in der andern nicht, manchmal sind auch in einundderselben Sprache beide Formen vertreten». Эта неопредѣленность въ выраженіяхъ, конечно, обусловлена тѣми фактами, которые намъ представляются въ данномъ случаѣ въ отдѣльных языкахъ, и сама по себѣ уже возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности этого мнѣнія. Оно возникло, вѣроятно, подъ вліяніемъ данныхъ греческаго языка, по отношенію къ которому оно, можетъ быть, съ извѣстными ограниченіями (о которыхъ сказано выше) дѣйствительно можетъ признаваться правильнымъ. Для славяно-балтійскихъ же языковъ, какъ легко убѣдиться, оно не можетъ быть принято. Изъ 29 ¹⁾

¹⁾ Я исключаю при этомъ лит. *kulkà* „пуля“, считая его съ Брюкнеромъ заимствованнымъ изъ польскаго языка, и лат. *sūnas* „мохъ“, не считая возможнымъ возводить его съ Беценбергеромъ къ **sumnās*, такъ какъ по моему мнѣ-

балтійскихъ формъ съ *ur*, *ul* и т. д., приведенныхъ Беценбергеромъ ВВ. XVII, 214 слл., только въ 14 словахъ стоитъ передъ *u* губной или задненебный согласный, и изъ 15 остальныхъ формъ только въ четырехъ сочетанія *ur*, *ul* и т. д. стоятъ передъ губнымъ и задненебнымъ. А, съ другой стороны, любой словарь славяно-балтійскихъ языковъ показываетъ, сколь многочисленны въ нихъ формы съ *ir*, *il* и т. д. и *posl* губныхъ и задненебныхъ и *передъ* ними. Ни къ чему тутъ не ведетъ также соображеніе Бругмана (Grdr. I² 455), что «die lautgesetzliche Entwicklung durch Analogiewirkungen durchkreuzt wurde: z. B. kann gr. γαρ- (γάρ- γαρα)... neben γερ- (γέργερα· πολλά Hes.) aufgekomen sein nach dem Verhältnis von δαρ- zu δερ- u. dgl.». Объ этомъ можно было бы думать, если бы въ большинствѣ славяно-балтійскихъ формъ съ *ur*, *ul* и т. д. передъ *u* стоялъ губной или задненебный (при дѣйствительномъ же положеніи дѣла съ такимъ же правомъ можно было бы считать новообразованиями по аналогіи славяно-балтійскія формы съ *ur*, *ul* и т. д. въ положеніи послѣ губныхъ и задненебныхъ), и если бы мнимыя новообразования (съ точки зрѣнія Бругмана) встрѣчались только въ такихъ категоріяхъ формъ, которымъ свойственъ тотъ или другой опредѣленный корневой гласный. Можно бы, напримѣръ, себѣ представить, что рядомъ съ лит. *gemù*, лат. *dzemi* «рождаюсь» возникло «новообразование» лит. *giñti*, лат. *dzimt* «рождаться» вмѣсто **gumt(i)* по аналогіи, напримѣръ, къ лит. *dilti*, лат. *dilt* «убывать (отъ тренія), изнашиваться» рядомъ съ настоящимъ врем. лит. *delù* (въ жем. нарѣчій), лат. *delu*, подобно тому какъ возникло, наприм., лит. *braidyti* (или *braidžioti* вмѣсто старолит. *bradžioti*, наприм. у Даукши Post. 165, 1) «umherwaten» рядомъ съ *bristi* (съ наст. вр. *bredù*) «waten» по аналогіи наприм. къ лит. *knaisyti* «fortgesetzt wühlen» (рядомъ съ *knisti* «wühlen») или *snaigyti* «etwas schneien» (рядомъ съ *snigti* «schneien»). Но какой аналогіей объяснять *i* (ѳ), наприм., въ лит. *piřstas*, праслав. **nyretь* «палець», или *u* (з), наприм., въ лит. *dumiu*, праслав.

нiю тавтосиллабическое *m* въ латышскомъ языкѣ не подвергается вокализациі, ср. мою статью въ Извѣстіяхъ Отдѣл. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. XV, кн. 2, 198 слл.

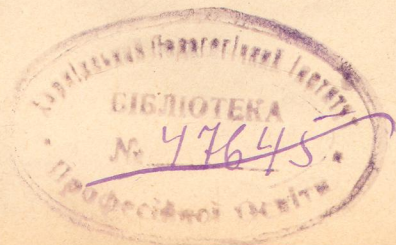
5892

4-277

слав. **дѣмъ* «*дуо*» и др.? И если въ виду этихъ непреодолимыхъ затрудненій, съ которыми сопряжена теорія о вліяніи губныхъ и заднеязычныхъ, Вондракъ съ своей стороны говоритъ (Vrgl. slav. Gramm., стр. 329), что «für die Qualität der Halbvokale war offenbar die Umgebung, insbesondere wohl auch der Klang der nächsten Silbe massgebend», то это, несмотря на внушительное «*offenbar*», только похоже на какое-то объясненіе, на самомъ же дѣлѣ—голо-словное предположеніе ¹⁾; не трудно вѣдь убѣдиться, что балт. *ir* и т. д., праслав. *ur* и т. д. съ одной стороны, и балт. *ur* и т. д., праслав. *ur* и т. д. съ другой стороны, встрѣчаются въ сосѣдствѣ всевозможныхъ звуковъ. Если же и Вондракъ захотѣлъ бы тутъ сослаться на дѣйствіе аналогіи, то съ одинаковою убѣдительностью онъ могъ бы доказать, напримѣръ, что *ur* и т. д. имѣло мѣсто передъ *и* (*o*) слѣдующаго слога, и противоположное этому положеніе. Въ виду всего этого я вообще считаю невозможнымъ возводить *ir* (*ur*) и т. д. и *ur* (*ur*) и т. д. къ одному и тому же звуку индоевропейскаго праязыка. Значительная часть случаевъ *ur* (*ur*) и т. д. представляетъ собою звукоподражательныя формы, какъ напри- лит. *gũlkščioja* «*es geht das Gerücht*»; праслав. **гълъжъ*, лит. *kuĩkti* «*quarren*», лат. *kunkstēt* «*стонать*» и др.; въ нихъ, вѣроятно, никогда никакого *r* и т. д. не было, но уже искони имѣлось сочетаніе *ur* и т. д. (*ur* въ лит. *kuĩkti*, напри- можетъ быть одинаково древнимъ съ *er*, напри- въ греческомъ *κερκίων*—родъ птицы). То же самое, можетъ-быть, слѣдуетъ сказать о нѣкоторыхъ вполне изолированныхъ словахъ съ *ur* (*ur*) и т. д., которыя могутъ быть сравнительно поздняго происхожденія ²⁾. Что же касается

¹⁾ Также предположеніе Розвадовскаго Rocznik Slawistyczny I 224). что въ литовскихъ словахъ на *-us* корневое *-ir-* путемъ ассимиляціи перешло въ *-ur-*, мнѣ представляется сомнительнымъ: ср. напри- латышск. *dzirnis* „мельница“, *tīrgus* „базаръ“.

²⁾ Относительно литовско-латышскихъ словъ съ *ur* и т. д. слѣдуетъ, кромѣ того, считаться съ возможностью, что нѣкоторыя такіе слова имѣютъ подобно лит. *šulnas* „Galoppirer“ (при *šuočiai* „im Galopp“), лит. *pūlti*, лат. *pult* „па- дать“, и изъ *uo* передъ тавтосиллабическимъ *r*, *l*, *n*, *m* (ср. также Lorentz JF. VIII, 93 сл.); такъ, можетъ-быть, напри- лит. *stūmti* (наст. вр. *stumti*), лат. *stūmt* (наст. в. *stumju*) „schiebend stossen“ рядомъ съ лат. *stūmītis* „stottern,

тѣхъ славяно-балтійскихъ словъ съ *ur* (ѣр) и т. д., въ которыхъ *и* (ѣ) несомнѣнно чередуется съ гласными *e*:*o*, то въ виду невозможности объяснить это *и* (ѣ) вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, я держусь мнѣнія Микколы (JF. XVI, 99), который говоритъ (ср. также ВВ. XXII, 252 сл.): «Vielleicht werden wir noch *or*, *ol* als Reduktionsstufen zu *or*, *ol* ansetzen müssen, da *ur* neben *ir* in einigen slavischen und *ur* neben *ir* in einigen baltischen Wörtern kaum anders zu erklären ist»; ср. также Rozwadowski, Rocznik Slawistyczny I, 223. Это мнѣніе, правда, не можетъ быть доказано, но не можетъ быть также опровергнуто, и появленіе *ur* (ѣр) и т. п. имъ объясняется хорошо. И слѣдуетъ отмѣтить, что въ цѣломъ рядѣ примѣровъ рядомъ съ формами съ *ur* (ѣр) и т. д. или исключительно извѣстны формы съ *ar* (ор) и т. д., или же ближе всего по значенію и формѣ къ формамъ съ *ur* (ѣр) и т. д. стоятъ именно формы съ *ar* (ор) и т. д.; ср. наприм.: лит. *ungurys* «угорь»: пр. *angurgis*, латинск. *anguilla* т.-ж. с.; лит. *kūlti*, лат. *kūlt* «колотить, молотить»: лит. *kālti*, лат. *kal̃t* «ковать», р. *колоть* и др. (ср. наприм. Walde подъ *clādēs*); лит. *volungė*: лат. *vāluodze* (съ *uo* изъ прабалтійскаго *an*) «ивола»; лит. *dumii* (съ инфинитивомъ *dūmti*), црксл. *дѣмѣ* «дую»: црксл. *дѣми*, серб. *дѣми* и др. (ср. Mikkola ВВ. XXII, 251); прусск. *unds*, лат. *ūdens* (съ *ū* изъ *un*), жем. *undin-* (ср. Изв. отдѣл. р. яз. и словес. Имп. Ак. Н., т. 13, кн. 4, 189): верхнелит. *vandui* «вода» (если же передъ балтійскимъ *und-* «вода» никогда никакого *ц* не было, то *и* получилось изъ неудар. индоевропейскаго *це* или *цо*, а не изъ *о*); р. *кортышки*: древне-верхнен. *harti* «плечная лопатка»; р. (діал.) *колдыка*: гот. *halls* «хромой»; чешск. *krsati* «abnehmen»: лит. *kāršti*, лат. *kārst* «старѣть»; п. *karw*, пр. *kurwis* «быкъ»: лит. *kārvė*, р. *корова* и др.; лит. *gulbis*,

stammeln, stolpern“ (относительно значенія ср. лат. *stuostit* „stossen“: *stuostitiēs* „stottern“; нѣм. *stottern*: *stossen*: *mit der Zunge anstossen*; иначе смотрять на *stūmti* Walde подъ *stuprum*, Wood JF. XXII, 148, Bezzenberger KZ. XLII, 192 и др.). Что же касается формы *stuostit*, то она, можетъ быть, возникла изъ **stuo[m]stit*). Въ другихъ случаяхъ, гдѣ *и* чередуется съ *це* или *eu*, *и* иногда можетъ быть сокращено изъ *ц*, такъ, наприм., вѣроятно въ лит. *dūlkės* «Staub» (рядомъ съ *dūlis* «Räuchermasse», скр. *dhūli-* «Staub», *dhūlikā* «Nebel», латинск. *fuligo* «сажа»).

лат. *gulbis*, пр. *gulbis* «лебедь»: прксл. *голъѣбъ*, и каш. *kiełb* «лебедь» (у Прейса Ж. М. Н. Пр. 1840 г., окт.): латинск. *columbus* «голубь»; лит. *grumėnti* «гремѣть», пр. *grumins* «громъ»: прксл. *прогъ*; лат. *tumsa* «темнота», *tumšs* «темный»: лит. *tamsà*, *tamsùs* т.-ж. с. (первоначально вѣроятно имѣлись рядомъ **tóm̃sā* и **t̃msùs*, откуда **tamsà* и **tumsùs*, причемъ **t̃msùs*, вѣроятно, новообразование—подъ вліяніемъ **tóm̃sā*—вмѣсто первоначального **t̃msùs* [къ **temos*, ср. латинск. *temere* «необдуманно»], откуда восточнолат. *timss* > *tymss* «темный», наприм., у Беценбергера Lett. Dial.-Stud. 95². Основы на -и, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ имѣли удареніе на -и и слабую ступень гласнаго въ корнѣ); лит. *susti* или *suntinti*, лат. *sūtiti*: гот. *sandjan* «посылать»; прксл. *крѣчь* «faber», лит. *kūrti* «строить» (тождественнымъ съ этимъ глаголомъ я, подобно Лескину Ablaut der Wurzelsilben im Lit. 317, считаю лит. *kūrti*, лат. *kuīt* «Feuer anmachen, heizen», между тѣмъ какъ обыкновенно эти глаголы возводятся къ двумъ различнымъ корнямъ: въ послѣднемъ значеніи ихъ первоначальнымъ, да и теперь еще весьма употребительнымъ дополненіемъ является слово *ūgni*, *uguni* «огонь» [ср. также прксл. *крада* «костеръ»]): скр. *karōti* «дѣлаетъ» (ср. также формы *akar*, *karati*); срб. *крп* «durus», лат. *kuītēt* «holzig werden», можетъ-быть, къ гот. *hardus* «hart»; лит. *drumstis*: *dramstis* «хмуриться»; лит. *nuskūręs* «abgelumpt»: *nuskāręs* «zerlumpt»; лат. *skurbtiēs* «sich drehen», *skurbt* «schwindlig, ohnmächtig werden», *skurbināt* «in die Runde drehen bis zum Schwindligwerden» (и прксл. *скрѣбъ* «скорбь»?): лат. *skārbt* «ohnmächtig werden» (и р. *коробить*, чеш. *krabiti* «hohlrund machen, falten»?): лит. *smulkūs*: лат. *smalks* «тонкій»; праслав. **крѣбъ* (ср. также литовскія и прусскія формы съ *gurb-* у Буги Aistiški Studijai I, 134): лит. (діал.) *gaĩbanà* «выпуклина» (у Юшкевича, 700), пр. *-garbs* (въ названіяхъ мѣстностей; ср. также Bezzenberger ВВ. XXVIII, 159 сл.) «гора» (и гр. *χορυφή*?); лат. (діал.) *kuorns* (наприм. въ Шлегѣ, со свойственнымъ тамошнему говору переходомъ *ur* передъ согласными въ *uor*; ср. также финск. *kuurne* или *kuurno*) или *kurlis* или (восточнолат.) *kursls* (наприм. въ Лит. хрест. Вольтера 146, 5), лит. *kuĩčias* или *kurlas* (у Гейтлера Lit. Studien 93): авест. *karəna-*, новоперс. *kar*

«глухой»; прксл. *крѣнѣ*, р. *корно*:- скр. *karva-s* «stutzohrig»; пр. *kuntis* изъ **kumptis*, лит. *kūmstė* «кулакъ» (сопоставленіе этого слова съ прксл. *пасть*, древне-верхн. *fūst* не очень убѣдительно), лат. *kumš'is* «горсть» изъ **kumstis* (ср. мои Латышскіе предлоги I, 34), можетъ-быть (съ утратою *p* послѣ *m*), къ лат. *kampt* «хватать» (относительно значенія ср., наприм., алб. *dorë*, гр. *χερ-*, арм. *jeṛn* «рука»: скр. *hárati* «береть, держитъ»; гот. *handus* «рука»: -*hinþan* «ловить, хватать», и, можетъ-быть, древне-врхн. *fūst*, прксл. *пасть* къ гот. и древне-врхн. *fāhan* «ловить, хватать»? v. Grienberger же сопоставляетъ въ Sitzungsberichte Вѣнской академіи 142 т., VIII, 110, пр. *kuntis* и лит. *kūmstė* съ гот. *handus*); лит. *apsimuldyti* «ошибиться», лат. *muldēt* «herumirren, irre reden»: *malditiēs* «блуждать»; лат. *skulbēt* или *skulbināt* «läuten»: лит. *skalbti* «mit dem Waschholz schlagend waschen», *skalbinti* «ein Gerücht verbreiten» (ср. этимологическій словарь Прельвица подъ *χολεπτο*); лит. *dūlbis* «неповоротливый, непроворный»: *dālba* «неуклюжій человѣкъ»; лат. *skumt* «печалиться», можетъ-быть, къ гот. *skaman sik* «стыдиться» (ср. древне-исл. *harmr* «Kummer, Harm, Schimpf»: прксл. *срамъ*); р. *морюма* (=туманъ); чеш. *mrhůlka* «staubregen»: лат. *mārga* «sanfter regen» (ср. Torbiörnsson Gemeinislav. Liquidamet. II, 42); р. *морщитъ*, чеш. *mrštití* и др.: чеш. *mraštiti* «runzeln»; р. *порскаѣ* и др.: верхне-луж. *próskać* «krachen, platzen» и др., ср. Torbiörnsson l. c. II, 57 сл.; р. *скорлуна*, пол. *skarłupa* и др. (ср. Torbiörnsson l. c. II, 76 сл.): прксл. *скралуна*; р. *ворчатъ* и др. (ср. этимологическій словарь Миклошича): прксл. *врачь* «medicus»; лит. *sluñkius: slañkius* «Schleicher»; прксл. *прѣмь*, лит. *gurste* (ср. выше): греч. *ἀγοστός* «ладонь» изъ **ἀ-γοστός* (ср. Solmsen, Beiträge z. griech. Wortf. I, 1 сл.); прксл. *кляка* «poples», лит. *kulkšis* «лодыга»: латинск. *calx* «пята»; р. *борицъ* и др., лат. *burkšis*: лат. *bārkstes* «Fransen, Verbrämung; Warzen oder Borsten im Maule des Hornviehs», *bārstes* «Hungerzitzen im Maule des Rindviehs», латинск. *fastigium* «верхъ, верхушка», ирл. *barr* «Schopf, Gipfel», древненсл. *barr* и др., ср. этимолог. словарь Бернекера подъ *barršć* ¹⁾.

¹⁾ Если въ большинствѣ (28) этихъ (37) примѣровъ передъ *и* (ѣ) стоитъ задненебный или губной, то это объясняется не мнимымъ влияніемъ задненебныхъ

Нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ (лит. *ungury's*, црксл. *клька*, р. *борицѣ*), кажется, говорить въ пользу того, что *иг* (*ѣр*) и т. д. можетъ восходить также къ индоевропейскому *ar* и т. д. И тутъ можно указать, что до извѣстной степени подобную этому мысль высказываетъ проф. Богородицкій (Очерки по языковѣдѣнію³ 357): «Въ праславянскомъ иногда первоначальный полный видъ вокализма... могъ становиться въ слабое положеніе, благодаря чему развился *новый слой ослабленія*, который смѣшивается съ ослабленіемъ древняго происхожденія. Согласно съ моимъ пониманіемъ, наприм., *мертвый*... получилось изъ аrio-европейскаго ослабленія перваго полного вида [т. е. *er*], а *горбъ*... изъ ослабленія въ праславянскую эпоху втораго полного вида [т. е. *or*] (рефлексъ *or*=*рr* можетъ восходить къ ае. **ar*)». На предыдущей страницѣ однако онъ, никакъ не обосновывая этого, говорить, что также изъ индоевропейскаго *r* и т. д. въ балтійскомъ и славянскомъ получилось—рядомъ съ *ir* и т. д.—и *иг* и т. д. Затѣмъ, какъ видно, онъ безъ всякаго основанія приписываетъ *иг* и т. д. изъ *or* и *ar* только праславянскому языку, тогда какъ связь этого славянскаго *ѣр* съ балтійскимъ *иг* едва ли подлежитъ сомнѣнію. Относительно времени возникновенія *иг* и т. д. изъ *or* и *ar* можно колебаться только между эпохами славянобалтійскою и праиндоевропейскою. Отвѣтъ на трудный (рѣшенный проф. Богородицкимъ слишкомъ поспѣшно) вопросъ о времени возникновенія *иг* (*ѣр*) и т. д. изъ *or*, *ar* зависитъ главнымъ образомъ отъ того, имѣются ли рефлексъ *or*, *ar* также въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ или нѣтъ¹⁾. Такое

и губныхъ на возникновеніе *и* (*ѣ*), но преобладаніемъ этихъ согласныхъ надъ зубными въ положеніи передъ *or*, *ol*, какъ легко убѣдиться хотя бы по списку такихъ формъ въ извѣстномъ трудѣ Torbiörnsson'a «Die gemeinslavische Liquidametathese».

¹⁾ Бодуэнъ-де-Куртенэ говорить относительно этого JF. XXV. 84: «Einer von solchen Unterschieden [въ образованіи сонантовъ] hat eine ganz besondere Bedeutung. Es ist der Unterschied der mittellinguale (palatalen) und nicht-mittellinguale (nicht-palatalen) Mundöffnung (*rⁱ lⁱ nⁱ*... neben *r^o l^o n^o*..., wobei *o* neben dem Sonantenzeichen als ein ganz allgemeiner Ausdruck für nichtpalatale Mundöffnung zu betrachten ist). Dieser Unterschied ist in den meisten ae. (ig.) Sprachgebieten spurlos verschwunden. Er blieb erhalten nur bei den Slaven». Что это различіе сохранилось также въ балтійскихъ языкахъ, не подлежитъ со-

^o*r*, (^e*r*) могло совпасть съ *or* (*ar*) или съ *ŕ* (изъ ^e*r*), или же, развиваясь самостоятельно, — какъ въ славяно-балтійскихъ языкахъ, — дать въ результатъ *ur*. Такъ какъ въ германскихъ языкахъ *ur* и т. д. получается уже изъ *ŕ* (^e*r*) и т. д., въ кельтскомъ въ ирландской (и отчасти и въ британской) его вѣтви *u* совпадаетъ съ *o*, чередуясь съ нимъ въ зависимости отъ качества послѣдующихъ звуковъ (почти такъ же, какъ въ германскомъ старое *u* съ новымъ *o*), въ албанскомъ же количество незаимствованныхъ формъ довольно ничтожно, то для насъ въ данномъ вопросѣ имѣютъ значеніе только италійская, греческая и арійская вѣтви, да и въ армянскомъ, какъ извѣстно, *u* правильно получается и изъ *ō* и передъ тавтосиллабическими носовыми также изъ всякаго *o*, и выпадаетъ въ не конечномъ слогѣ не только *u*, но и *i*. Только съ этою оговоркою о двусмысленности армянскаго вокализма можно бы, помимо вышеупомянутыхъ *ekul* «онъ проглотилъ» и *kur* «кормъ», здѣсь еще привести арм. *urğui* «пасынокъ» (по мнѣнію Bugge KZ. XXXII, 23 *u*- изъ *ō*-) рядомъ съ *ordi* «сынъ»; *urd* «canalis» рядомъ съ *ord* т.-ж. с.; *slanam* «лечу, спѣшу» (по мнѣнію Шефтеловица ВВ. XXVIII, 283 *u*, бывшее между *s*- и *l*, изъ *ō*) рядомъ съ скр. *śalati* «поднимается, спѣшитъ»; арм. *xuī* «хижина» (по мнѣнію Шефтеловица I. с. XXVIII, 311 *u* изъ *ō*) рядомъ съ скр. *khala-* «амбаръ»; арм. *-midğ* «ночь» (по мнѣнію Шефтеловица I. с. XXIX, 17 съ *u* изъ *ō*) рядомъ съ гр. *μόρφος* «dunkelfarbig» (?). Затѣмъ Walde возводитъ въ своемъ этимологическомъ словарѣ подъ *cirvus* къ корню *ger-* «biegen, drehen» между прочимъ также арм. *kuṙn* «спина», алб. *kuṙis* т.-ж. с. и гр. *κυρός*, тогда какъ Шефтеловицъ I. с. XXVIII, 304 производитъ эти слова и арм. *kur* «чанъ, корыто» (и скр. *kurda-* «кружка, горшокъ») и *kuṭh* «горшокъ» (по моему мнѣнію болѣе правдоподобно) отъ корня *kur-*. Мало свѣта проливаютъ на этотъ темный вопросъ также арійскіе языки. Бругманъ склоненъ думать (Grdr. I², 454), что, можетъ-быть, скр. *u* въ *ur*, *ul* въ положеніи передъ гласными тождественно съ балт. *u* (праслав. *ъ*) передъ плавными и носовыми (ср. также статью Фортунатова KZ.

мнѣнію. О происхожденіи *ŕ*⁰ и т. д. (рядомъ съ *ŕ*ⁱ и т. д.) Бодуэнъ-де-Куртенз не говоритъ.

XXXVI, 19 слл. и 23 слл.), и нѣкоторыми учеными (ср. Wackernagel, Altindische Gram. 21) подобно объясняются скр. *mūni-* «аскетъ», *tuna-* «потомство» и др. Но появленіе санскритскаго *u*, по крайней мѣрѣ, отчасти обусловлено качествомъ предшествующаго согласнаго (послѣ губныхъ, какъ извѣстно, является исключительно *u*), и для сопоставленія его съ славяно-балтійскимъ *u* необходимо указать примѣры санскритскаго *u* также въ такихъ случаяхъ, когда за плавнымъ или носовымъ слѣдуетъ согласный звукъ. Нѣсколько такихъ примѣровъ, правда, указывается. Въ грамматикѣ Вакернагеля (стр. 30) приводятся скр. *gulma-* «Geschwulst» (ср. Zubatý AfslPh. XVI, 424 и словарь Walde подъ *glans* и *glomus*), *kulmala-* «Hals der Pfeilspitze» (ср. словарь Walde подъ *celsus*), *gulpha-* «Knöchel» (ср. этимологическій словарь Uhlenbeck'a), *kulmi-*¹⁾ «Heerde» (: гр. *τέλος* «Schar»), *kulva-* «kahl» (относительно формъ съ *-ulv-*, *-urv-* ср. впрочемъ Brugmann Grdr. I², 458), *bulva-* «schief». Педерсенъ приводит (Vergl. Gr. d. kelt. Spr. 175) также скр. *urvarā* «Saatland», авест. *urvarā* «Pflanze» (: ирл. *arbar* «Getreide», гр. *ἀρουρα* «Ackerland»); и скр. *kumpa-* «lahm an der Hand» сопоставляютъ нѣкоторые, наприм., Walde (подъ *campus*, гдѣ *kumpa-* съ вопросительнымъ знакомъ возводится къ **kəmpó-*), Uhlenbeck, Prellwitz (подъ *καμπή*; здѣсь имъ сюда относится, между прочимъ, также лит. *kuĩpti* «krumm werden», тогда какъ подъ *κῦπελλον* онъ, считая *m* въ однозначащемъ латыш. *kumpt* и въ лит. *kuĩpas* «krumm» носовымъ инфиксомъ, возводитъ эти слова къ корню *kup-*), съ лит. *kuĩpas* «krumm», гр. *καμπός* «gekrümmt», гот. *hamfs* «verstümmelt» и др. Больше примѣровъ съ *ur*, *ul* представляютъ греческій и латинскій языки, о которыхъ уже выше была рѣчь, но и въ нихъ меньше ихъ, чѣмъ въ славяно-балтійскихъ языкахъ. И то обстоятельство, что формъ съ *ur* и т. д. въ славяно-балтійскихъ языкахъ значительно больше, чѣмъ въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ, говоритъ въ пользу болѣе близкаго еродства славянскихъ и балтійскихъ языковъ, даже если бы пришлось допустить историческую связь между славяно-балтійскимъ *ur* и т. д. съ

¹⁾ Съ *u*, вмѣсто *a*, можетъ быть, подъ вліяніемъ *kula-* «Geschlecht».

ur и т. д. въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ. Въ виду всего выше сказаннаго я скорѣе склоненъ отрицать эту связь. Что же касается времени возникновенія славяно-балтійскаго *ur* и т. д., то можно думать, что оно произошло—въ качествѣ діалектическаго явленія—еще въ эпоху индоевропейскаго праязыка, или же во время распаденія единства индоевропейскихъ языковъ, или же послѣ распаденія этого единства.

Общею примѣтою славянскихъ и балтійскихъ языковъ Бругманъ далѣе считаетъ упрощеніе «двойныхъ» (т. е. долгихъ) согласныхъ. Такое сообща произведенное упрощеніе однако вовсе не можетъ считаться безспорнымъ фактомъ. Прежде всего тутъ позволительно сомнѣваться въ существованіи унаслѣдованныхъ изъ индоевропейскаго праязыка двойныхъ согласныхъ въ тѣхъ говорахъ, къ которымъ восходятъ современные славянскіе и балтійскіе языки. Въдь формы вродѣ II л. ед. ч. скр. *ási*, ав. *ahi*, гр. *εῖ* и лос. pl. скр. *a'hasu*, ав. *ažahu* (отъ основъ на *-s*) ясно показываютъ, что уже въ индоевропейскомъ праязыкѣ *ss* упрощалось въ *s*. Существовавшія рядомъ съ ними формы вродѣ II л. ед. ч. гр. *ἐββι* и лос. pl. скр. *mánassu*, гр. *μέγεββι* представляютъ собою легко понятныя новообразованія (*μέγεββι*, на примѣръ, должно было возникнуть во избѣжаніе совпаденія съ тѣмъ же падежомъ единственнаго числа), а про формы съ однимъ *s* этого сказать нельзя. Попытку въ этомъ направленіи, правда, сдѣлалъ Бругманъ въ своемъ Grdr. I², 725, предполагая для индоевропейскаго праязыка формы лос. pl. вродѣ **menes* (съ упрощеніемъ *ss* въ концѣ слова изъ **meness* отъ основы *menes-*). Но такъ какъ тому подобныя формы лос. pl. нигдѣ не засвидѣтельствованы, то эта гипотеза Бругмана не можетъ считаться правдоподобною; да и самъ Бругманъ въ Grdr. II², 2, 247 слл. по крайней мѣрѣ больше не приводитъ формъ лос. pl. вродѣ **menes(s)*. Въ виду этого Bartholomae, на примѣръ, въ Grundr. der iran. Philol. I § 51 рѣшительно высказывается въ пользу того, что двойные свистящіе («Zischlaute») были упрощены уже въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Но не видно причины, почему бы одно *ss* подвергалось такому упрощенію; произношеніе двойныхъ спирантовъ въдь даже менѣе затрудняетъ говорящаго, чѣмъ произношеніе двойныхъ

взрывныхъ согласныхъ. Правильнѣе поэтому, на мой взглядъ, говорить Wackernagel въ своей *Altindische Grammatik* I, 111: «Doppelkonsonanten scheinen der Grundsprache ganz oder fast ganz fremd gewesen zu sein». Приблизительно въ томъ же смыслѣ и также не совсѣмъ опредѣленно высказывается Meillet въ *Les dialectes indo-européens* 43, усматривая въ отсутствіи двойныхъ согласныхъ въ славяно-балтійскихъ языкахъ «le résultat d'une tendance indo-européenne commune; en baltique et en slave (продолжаетъ Meillet), cette tendance a continué d'agir et a complètement abouti... En ce qui concerne l'indo-européen, on sait que les consonnes géminées y tiennent peu de place: la plupart de celles qu'on rencontre appartiennent aux hypocoristiques et aux mots du langage enfantin... En dehors de ces cas tout particuliers (приведены были примѣры вродѣ γῆνις, ἄττα, др.-врх.-н. *zocchōn* и др.), l'indo-européen tendait à éliminer les consonnes géminées... L'élimination des consonnes géminées a donc son origine en indo-européen même». Совершенно отрицать существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ двойныхъ (=долгихъ) согласныхъ Wackernagel и Meillet, повидимому, не рѣшились въ виду формъ вродѣ скр. *attā*, гр. *ἄττα*, латинск. и гот *atta*, др.-врх.-н. *atto*, др.-ирл. *aite* (съ *t*, а не *th*!) и др. Но справедливо говоритъ Walde въ своемъ этимологическомъ словарѣ, что *atta*—это «ein sich auf den verschiedensten Sprachgebieten immer von neuem bildendes Lallwort», указывая наприм. на мадыарск. *atya*, тюрк. *ata*, баск. *aita* «отецъ»; примѣры изъ малоазійскихъ языковъ даетъ Kretschmer въ своей *Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache* 349 слл. А если это такъ, то позволительно думать, что на индоевропейской почвѣ слова вродѣ *atta* возникли уже послѣ распадёнія общаго праязыка; но возможно, и, пожалуй, болѣе правдоподобно, и то, что въ эпоху индоевропейскаго праязыка всѣ такія слова произносились еще съ краткимъ (не долгимъ) согласнымъ, и лишь впослѣдствіи, уже на почвѣ (одной части) отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, стали произноситься съ долгимъ согласнымъ, послѣ того какъ законъ о сокращеніи долгихъ согласныхъ пересталъ дѣйствовать, и когда въ силу различныхъ фонетическихъ процессовъ долгіе согласные возникли и въ другихъ

(не «дѣтскихъ») словахъ. Такъ, напримѣръ, въ санскритѣ сохранилось старое *vaśā* «(яловая) корова» съ краткимъ *ś*, а соответствующее ему латинское слово (*vacca*) стало въ послѣдствіи произноситься съ долгимъ согласнымъ (ср. Meillet MSL. XV, 356) благодаря тому же психическому мотиву, который вызвалъ, напримѣръ, долгое *t* въ *atta*, вѣроятно, послѣ того какъ уже возникли формы съ долгими согласными вродѣ *hoss* «это» (съ *ce* изъ *de*) или *cassus* «паденіе» (съ *ss* изъ *dt*) и др. Если это дѣйствительно такъ, то можно сказать, что индоевропейскій праязыкъ вообще избѣгалъ долгихъ согласныхъ (за исключеніемъ, вѣроятно, долгихъ плавныхъ и носовыхъ въ положеніи между гласнымъ и согласнымъ). Сокращеніе же формъ вродѣ II л. ед. ч. **essi* въ **esi* при наличности (и сохраненіи) формъ вродѣ **atta* для меня, по крайней мѣрѣ, было бы непонятно. Послѣдняя форма вѣдь не можетъ претендовать на исключительное положеніе лишь потому, что она принадлежитъ къ «дѣтскому» языку, такъ какъ (какъ справедливо замѣчаетъ Meillet l. c. 58) «le langage enfantin est propagé par les personnes qui ont atteint leur développement linguistique complet». Что же касается того, что по мнѣнію Meillet (не всѣ, но лишь) большинство словъ съ «двойнымъ» согласнымъ представляютъ собою *hypocoristica* и формы дѣтскаго языка, то онъ, къ сожалѣнію, не указалъ ни одного не относящагося къ этой категоріи слова съ долгимъ согласнымъ; а я самъ не могу припомнить такого (унаследованнаго изъ общаго праязыка) слова. Если бы дѣйствительно долгиe согласные были употребительны въ индоевропейскомъ праязыкѣ, то они вѣроятно служили бы и словообразовательнымъ элементомъ, какъ это, наприм., въ угро-финскихъ языкахъ (ср. напр. финск. *kukka* «цвѣтокъ»: род. п. *kukan*; *seppä* «кузнецъ»: множ. ч. *sepät* и др.); а между тѣмъ изъ индоевропейскихъ словъ съ долгимъ согласнымъ болѣе чѣмъ въ одномъ изъ индоевропейскихъ языковъ встрѣчаются лишь немногія слова дѣтскаго языка вродѣ *atta*, въ которыхъ, какъ выше уже указано, долгота согласнаго могла возникнуть и послѣ распада общаго праязыка¹⁾. Этому

¹⁾ То же самое слѣдуетъ сказать объ удлиненіи (въ нѣсколькихъ индоевропейскихъ языкахъ) согласнаго въ именахъ личныхъ и особенно въ ихъ сокра-

моему положенію не противорѣчатъ санскритскія формы *ḍitti* «ѣсть» и др. съ *tt(h)* и *ddh*. Какъ извѣстно, такое *tt(h)* и *ddh* получилось въ индоевропейскомъ праязыкѣ только при встрѣчѣ конечнаго зубнаго согласнаго корня съ начальнымъ зубнымъ согласнымъ суффикса. Если же такое *tt(h)* не упрощалось, да и не сохранялось, но черезъ переходную ступень *tʰt(h)* дало въ италійскихъ, кельтскихъ и германскихъ языкахъ *ss*, въ прочихъ же языкахъ *st(h)*, за исключеніемъ санскрита, гдѣ мы находимъ *tt(h)* (вѣроятно изъ болѣе древняго *tʰt(h)*, ср. объ этомъ Meillet l. c. 57 слл.), то это на мой взглядъ объясняется тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ—ради большей морфологической прозрачности—произносились (не долгіе, но дѣйствительно) двойные зубные ¹⁾, между которыми, вѣроятно, уже въ эпоху праязыка возникли зародыши свистящихъ спирантовъ. Но какъ бы то ни было, безспорно то, что отсутствіе «двойныхъ» согласныхъ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ ничего не доказываетъ въ пользу болѣе тѣснаго ихъ сродства. Не исключена вѣдь возможность, что въ славянскомъ праязыкѣ первоначально имѣлись долгіе согласные (взрывные), а потомъ были устранены одновременно съ извѣстными сочетаніями согласныхъ съ цѣлью устраненія закрытыхъ слоговъ. Мы, значить, вовсе не знаемъ, искони ли отсутствовали долгіе согласные на славянской почвѣ. Наконецъ, такое же отсутствіе и устраненіе долгихъ согласныхъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, такъ въ армянскомъ (ср. Meillet l. c. 43), въ древне-

щенныхъ формахъ. Вѣдь и смягченіе согласнаго въ качествѣ словообразовательнаго элемента, повидимому, не восходитъ къ эпохѣ общаго индоевропейскаго языка, хотя оно встрѣчается не только въ славянскихъ языкахъ (ср. Berneker, Slav. etymol. Wrtb. подъ *gnida* и *gnisz*, и русск. слова вродѣ *жидюкъ*), но и въ балтійскихъ и въ датскомъ языкахъ, ср. KZ. XLII, 376. И встрѣчающееся въ германскихъ языкахъ образованіе интенсивныхъ глаголовъ посредствомъ удлиненія согласнаго въ концѣ корня (ср. Trautmann, Germanische Lautgesetze 66) извѣстно также изъ семитскихъ языковъ, гдѣ въ такихъ случаяхъ удлинняется второй корневой согласный.

¹⁾ Послѣ того, какъ это было написано, вышла 1-я книжка XV тома Изв. отдѣл. р. яз. и словесн. Имп. Акад. Н., гдѣ на стр. 245 также Щерба высказываетъ мысль, что «эта группа (т. е. *tt*) произносилась съ самостоятельной эксплозіей обоихъ *t*».

иранскомъ (насколько можно судить по письму, не знающему двойныхъ согласныхъ), въ албанскомъ, новогреческомъ и др.

Точно такъ же совпаденіе звонкихъ и звонкихъ придыхательныхъ взрывныхъ свойственно не только славяно-балтійскимъ, но также албанскому и иранскимъ языкамъ. И также переходъ конечнаго *-m* въ *-n* знаютъ кромѣ славяно-балтійскихъ языковъ также армянскій, греческій, кельтскіе и германскіе языки (ср. также Mikkola, Rocznik I, 12).

Между тѣмъ какъ въ своемъ Grundriss I², 936 Бругманъ еще былъ склоненъ думать, что отпаденіе конечнаго *-d* и *-t* произошло въ эпоху славяно-балтійскаго единства, въ своей Kurze vergl. Gramm. 280 онъ уже отказывается отъ этого взгляда въ виду древнецерковнославянскаго окончанія (*-ъ* и *-а*) III л. множ. ч. аориста (и также Вондракъ, Vergl. slav. Gramm. I, 384, на томъ же основаніи считаетъ это отпаденіе *-d* и *-t* совершившимся послѣ распаденія славяно-балтійскаго единства). Насколько упомянутыя окончанія аориста доказываютъ существованіе конечнаго *-d* и *-t* еще въ эпоху славянскаго праязыка (ср. Brückner KZ. XLIII, 369 сл.), объ этомъ можно говорить только въ связи съ остальными явленіями конца слова въ славянскомъ праязыкѣ, и потому я здѣсь ограничусь указаніемъ на то, что даже въ томъ случаѣ, если бы не оказалось въ фонетикѣ никакихъ слѣдовъ существованія *-d* и *-t* еще въ эпоху славянскаго праязыка, все-таки было бы неосторожно думать, что *-d* и *-t* сообща устранены предками славянскихъ и балтійскихъ народовъ. Въдѣ въ силу закона объ устраненіи закрытыхъ слоговъ *-d* и *-t* должны были исчезнуть на славянской почвѣ, если они еще существовали до дѣйствія этого закона. И эти звуки отпадаютъ также въ нѣкоторыхъ другихъ индоевропейскихъ языкахъ.

Въ силу того же закона объ устраненіи закрытыхъ слоговъ могло въ славянскомъ праязыкѣ исчезнуть *d* передъ *m* и *v* (ср. Brugmann, Grdr. I², 718), такъ что было бы неосторожно считать это явленіе общимъ новшествомъ эпохи славяно-балтійскаго единства.

Въ прежнія времена господствовало мнѣніе (котораго и теперь еще держится часть языковѣдовъ), что переходъ индоевропейскаго *s* въ *x*—явленіе специально славянское. Но послѣ того, какъ уста-

новили, что этот переход совершается приблизительно при таких же условиях, при каких в арийских языках получается *š* из *s*, и что также в литовском языке встрѣчается *š* из *s*, некоторые языковѣды относят начало этого измѣненія *s* въ положеніи послѣ *i*, *u*, *r*, *k* въ эпоху славяно-балтійскаго единства (къ чему склоняется, наприм., Бругманъ въ *Kurze vrgl. Gramm.* § 297) или даже (въ качествѣ діалектическаго явленія) въ эпоху индоевропейскаго праязыка (какъ полагаетъ ¹⁾), наприм., Педерсенъ JF. V, 83 слл.). Для того, чтобы правильно рѣшить этотъ вопросъ, необходимо прежде всего выяснить нѣкоторые его детали. При этомъ начнемъ съ литовскаго языка, который по отношенію къ этому вопросу еще недостаточно разработанъ. Педерсенъ пришелъ л. с. 77 слл. къ заключенію, что первоначально и въ литовскомъ языкѣ послѣ *i*, *u*, *r*, *k* имѣлось повсюду *š* изъ *s*, и только впослѣдствіи въ части случаевъ это *š* перешло обратно въ *s* (и Бругманъ, *Grdr.* I² § 906, считаетъ это возможнымъ). Зубатый же, *AfslPh.* XVI, 404¹, считаетъ переходъ *s* въ *š* фонетическимъ только въ положеніи послѣ *r* и *k*, да еще послѣ *i*, *u* «als reducirten Vokalen» (но не послѣ первоначальныхъ *i*, *u*); подобно ему и Mikkola JF. XVI, 98. Обратимся къ деталямъ. Послѣ *r*—въ этомъ Зубатый и Педерсенъ, повидимому, правы—получается (изъ *s*) и сохраняется *š*, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры:

miršti «забывать», *maišas* «забываніе»: скр. *marša-s* «geduldiges Ertragen».

veišis «теленкъ» или (въ Дусятахъ) «быкъ» (*Būga, Aist. Stud.* I, 147): латинск. *verres* «кабанъ», скр. *vŕša-s* «быкъ».

viršus: црксл. *връхъ*, скр. *váršman-* «верхъ».

širšuō (такое удареніе даетъ *Būga, Aist. Stud.* I, 152): црксл. *сръшень*, латинск. *crabro* «шершень».

garšvā: др.-врхн. *gers* «снить».

kaĩšti ²⁾ «чесать»: средне-нижнен. *harst* «грабли» и др., ср. Walde подъ *carro*.

¹⁾ Къ тому же склоняется и Meillet *Introd. à l'étude compar.* ² 67.

²⁾ Это же слово по Куршату употребляется также «als Scherzwort» въ значеніи «быстро идти». А между тѣмъ теперь, вслѣдъ за Сольмсеномъ KZ. XXX,

kiršly's: норв. *harr* «хариусъ», ср. Lidén PBrB. XV, 509 сл.
mīrštu «умираю», съ *-štu*, между тѣмъ какъ обыкновенно этотъ суффиксъ имѣетъ форму *-stu*; и подѣ влияніемъ подавляющаго большинства этихъ глаголовъ говорятъ также *mīrstu* (отъ *mīrti* «мокнуть», *kiūrstu* (отъ *kiūrti* «дырнѣть»), *pražiūrstu* (отъ *pražiūrti* «прозрѣть»), гдѣ *-stu* сохраняетъ свое значеніе (чего нельзя сказать про *mīrštu*), и гдѣ формы настоящаго времени рѣже употребляются.

Какъ извѣстно, есть въ литовскомъ языкѣ и слова съ *-rs-*, но позволительно (и въ виду примѣровъ съ *-rš-* изъ *-rs-* слѣдуетъ) думать, что во время перехода *-rs-* въ *-rš-* въ нихъ еще не было *-rs-* (между *r* и *s* могъ быть гласный или *d*, *t*), или что сами эти слова возникли въ литовскомъ языкѣ только послѣ перехода *-rs-* въ *-rš-*: *diršė* (лат. *dirši*) «костеръ» неизвѣстнаго для меня происхожденія; ср. развѣ Leskien Bild. d. Nom. 268, гдѣ оно сближается съ однозначашимъ н. *Trespe*, если въ *diršė* утрачено *p* между *r* и *s*.

gīrsa, ср. KZ. XLIV (лат. *dzirši*), можетъ-быть, имѣетъ *s* вмѣсто *š* подѣ влияніемъ однозначашаго съ нимъ *diršė*.

gaĩsas «звукъ, звонъ» сближаютъ съ *girdėti* «слышать».

gīrsnūoti или *gīrsnóti* «fortgesetzt ein wenig trinken» (къ *gérti* «пить») съ *s* подѣ влияніемъ формъ вродѣ *kīlsnóti* «fortgesetzt hin und her heben» (къ *kėlti* «поднимать») или *kālsnóti* «fortgesetzt hämmern» (къ *kālti* «ковать», ср. Leskien Bild. d. Nom. 368.

karstas «могила» у Даукши Post. 238, 14; 239, 16, 17, 18 для меня тѣмъ менѣе ясно, что Нессельманъ даетъ (изъ рукописныхъ словарей) *karštas*; Буга, Aist. Stud. I, 139, вѣроятно правильно

601, начали сопоставлять его въ послѣднемъ значеніи съ латинск. *currere* и др., что врядъ ли правильно (ср. теперь также Lagercrantz JF. XXV, 368), такъ какъ часто употребляются въ значеніи «быстро двигаться» глаголы, которые собственно имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, ср. наприм. лат. (*ai*)*šautiē* (у Ульмана отъ *šaut* «стрѣлять»), *juózt(iē)* отъ *juózt* «поясать»), *ai**zp'antiē* «быстро отправиться» (наприм. въ Вольмарскомъ говорѣ; отъ *pl'aut* «косить»), *grúst* (у Ульмана; собственно: толкать), р. *uórat*, н. *ausreissen* и др. Такъ же, по моему мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, что р. (с)*мазнуть* «schnell hinlaufen», которое Jokl сближаетъ съ прскл. *мати* «мать» (AfsIph. XXVIII 5, XXIX 22 сл., JF XXVII, 310 сл.), тожественно съ *мазнуть* «winken».

оближаетъ это слово съ лат. *šk'iršts*¹⁾ «сундукъ, гробъ», но корень его отсюда не выясняется.

kersè «Karitzkenkraut» (ср. лат. *k'ērši* «Brunnenkresse») неизвѣстнаго для меня происхожденія.

Kirsna (названіе какой-то рѣчки) сопоставляютъ съ скр. *kṛśná-s* «черный». Но первоначальнаго значенія этого имени мы вѣдь вовсе не знаемъ, и допустивъ, что оно значило «Черная», можно объяснить его *s* (ср. *kéršas* «weiss und schwarz gefleckt») или вліяніемъ другихъ названій (рѣкъ) на *-sna*, если таковыя имѣются въ окрестностяхъ Кирсны, или же тѣмъ, что литовцы, можетъ-быть, уже послѣ перехода *-rs-* въ *-rš-* переняли это названіе у другого балтійскаго племени (съ *-rs-*)²⁾.

Въ *nařsas* «гнѣвъ» между *r* и *s* вѣроятно утрачено *t*, ср. наприм. *nartint* «гнѣвить» у Даукши Кат. 26, 22 и др. у Траутмана Altpr. Spr. 384³⁾.

• *purslas* или (у Буги, Aist. Stud. I, 176) *puřslos* «Schaumspichel» скорѣе всего звукоподражательное слово (Буга I. с. даетъ цѣлую коллекцію сходныхъ по звукамъ и значенію словъ), причемъ *-s-* (вмсто *-š-*) вѣроятно объясняется вліяніемъ словъ съ суффиксомъ *-sla-*, ср. Leskien Bild. d. Nom. 453 (и *apsipuršlótí* 455).

skeřsas «поперечный» является съ такимъ же *s*, какъ и црксл. *чръсъ* (при греч. *ἐλικόρσιος* и др.), такъ что приходится думать объ исчезновеніи зубнаго согласнаго между *r* и *s*, ср. словарь Бернекера 149. Предложенное же Бругманомъ Grdr. I², 786 объясне-

¹⁾ Обыкновенно это слово считается заимствованнымъ изъ финскихъ языковъ, какъ и р. *корста* «агса».

²⁾ Послѣ того какъ это было написано, Каз. Каз. Буга мнѣ любезно сообщила, что *Kirsna*, асс. s. *Kiřsna* (названіе рѣчки Кальварійскаго уѣзда Сувальской губ. и притокъ рѣки *Deimenā* въ прусской Литвѣ) онъ считаетъ прусскою по происхожденію формою въ виду лит. *Kirkšnó-upis* и *Kiřkšnis* (рѣчки въ Ковенской губ.).

³⁾ Траутманъ пишетъ *nartinti*, слѣдую, должно быть, Куршату, который однако даетъ это слово только въ скобкахъ, не зная его изъ своего родного говора и ставя удареніе вѣроятно по аналогіи другихъ словъ. Даукша же I. с. имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ.—Въ *niřšti* «ergrimmen» *š*, можетъ быть, вызвано вліяніемъ однозначашаго *kiršti*; ср. *keršte ir narše* у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 81.

не, будто-бы второе *s* въ *sheřsas*—результатъ вліянія начального *s*-, и само по себѣ не очень убѣдительно (за неимѣніемъ аналогичныхъ примѣровъ) и совершенно непригодно для славянской формы.

smarsas «Fett, mit dem man Speisen abmacht» (i. s. *smārsu* у Даукши Кат. 28, 10) вѣроятно когда-то имѣло *t* послѣ *r*, ср. гот. *smairþr* «жиръ» (Лескинъ же, l. c. 595, сближаетъ его съ *smir-dēti* «вонять»).

tursóti «mit vorgestrecktem Hintern kauern» вѣроятно произведено отъ глагола *turėti* въ значеніи «держать», которое и теперь еще извѣстно въ части литовскихъ говоровъ, наприм. Лит. хрест. 381, 18; 385, 39; 386, 4, посредствомъ довольно употребительнаго суффикса *-soti*, ср. наприм. *vypsóti* къ *vieptis*, *šypsóti* къ *šieptis*, *kniúpsoti* «dauernd gebückt dasitzen» къ *kniúpoti* и др. у Куршата Gramm. § 1249, гдѣ *s* правильно сохраняется (относительно значенія ср. лат. *nudturināt bērnu* «ein Kind abhalten» scil. ad candum). Если это такъ ¹⁾, то формы *tuřs(l)inti*, *tursomiegis* и *tursas* (это слово не засвидѣтельствовано, но только предположено Нессельманомъ, ср. Leskien l. c. 189) созданы на основаніи глагола *tursóti*.

tvārslēs «Fahrleine beim Fuhrwerk» и *versmē* «источникъ» сохраняютъ *s* подѣ вліяніемъ другихъ словъ съ суффиксами *-slē* и *-smē*, ср. Leskien l. c. 426 и 459.

varsà (такое удареніе даетъ Буга Aist. Stud. I, 72) «Flocke von Wolle... am Fleisch» по мнѣнію Брюкнера Litu-slav. Stud. I, 151 заимствованіе изъ русскаго языка (*ворса*).

vėversj̃s (пр. *werwirsis*) «жаворонокъ» неизвѣстнаго для меня происхожденія.

Подѣ вліяніемъ формъ съ правильно сохранившимся *s* (въ положеніи не послѣ *r* и *k*) сохраняется *s* послѣ *r* далѣе въ суф-

¹⁾ Zupitza же, BB. XXV, 97 сл. (также Pedersen Vrgl. Gr. d. kelt. Spr. I 83), сближаетъ это слово съ ирл. *tarr* «спина, задъ, брюхо», др.-брет. *tar* «брюхо» и др., предполагая для этихъ кельтскихъ и литовскихъ словъ *-rs* изъ *-rds* на основаніи германскихъ формъ вродѣ др.-исл. *stertr* «хвостъ» и др. Въ такомъ случаѣ пришлось бы возводить лит. *tursóti* къ незасвидѣтованному *tursas* «задница», причемъ я не могъ бы понять, какимъ путемъ установилось за глаголомъ *tursóti* его теперешнее значеніе.

фиксѣ будущаго времени (наприм. *gėrsiu* «буду пить»), въ производныхъ глаголахъ на *-styti* (откуда далѣе *-stinėti*), ср. наприм. *bārstyti* къ *beriù* (какъ наприм. *ramstyti* къ *remiù*), или *kārstyti* и *karstinėti* къ *kariù* (сюда ли относятся *karstenys* и *pėrkarsta* «Leinwandszierrat», или же по словарю Нессельмана къ *perkartoti* «einen Strich durchnähen»?), въ суффиксахъ *-snis* (наприм. *skirsnis* «отдѣленіе» у Лескина I. с. 373), *-stas* (напр. *šarstas* «Schaum der Wellen» I. с. 532), *-stis* (наприм. *skirstis* I. с. 541), и, наконецъ, вездѣ, гдѣ *s* получилось или изъ *d*, *t* (какъ въ *kĩrsti* «рубить»), или же изъ *d*, *t+s* (какъ въ *varsma* или *varsnà* «Pfluggewende» отъ *verčiù* «верчу»).

Относительно первоначальнаго *ks* Зубатый и Педерсенъ уже вѣрно указали, что въ литовскомъ языкѣ отсюда правильно получается *kš*¹⁾ («wenn hier *s* steht, so gehört es gewöhnlich einem Flexions- oder Wortbildungselement an, so dass Analogiebildung anzunehmen ist», Педерсенъ JF. V, 78). Но такъ какъ Бругманъ въ Grdr. I², 785 послѣ этого все еще полагаетъ, что въ литовскомъ языкѣ *s* послѣ *k* «regelmässig» сохраняется, то рассмотримъ этотъ вопросъ подробнѣе. Слово съ *-ksz-* въ литовскомъ языкѣ очень много (такъ что я не въ состояніи привести ихъ всѣхъ), и по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ихъ *-š-* навѣрно получилось изъ *-s-*, такъ какъ изъ родственныхъ языковъ мы не знаемъ праиндоевропейскаго сочетанія *-qk-*. Къ *k* или (въ положеніи передъ глухими взрывными согласными) *ġ(h)* такое *š* послѣ *k* восходитъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это *k* позже вставлено, какъ наприм. въ *aĩkštas* «узкій», или въ случаяхъ смѣшенія параллельныхъ формъ съ *k* и *š* (изъ индоевр. *k*), для чего, однако, я сейчасъ несомнѣнныхъ примѣровъ не знаю; скорѣе всего такъ объясняется *kulkš(n)is* «лодыжка» (Leskien I. с. 371), ср. съ одной стороны *kulšnis* т.-же с. (у Бенценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 82) и *kūlszis* или

¹⁾ Относительно словъ съ *-rkš-* со вставнымъ *k* (наприм. *šerkšnas* «иней», ср. однозначное лат. *sērsns*) неизвѣстно, было ли въ нихъ *k* уже во время перехода *s* въ *š* (*šerkšnas*, напримѣръ, можетъ восходить и къ **šerkšnas*, и къ **šeršnas* изъ **šersnas*).

*kūlszė*¹⁾ (= пр. *culczy*) «бедро», и прксл. *кляка* «poples» и словинск. *kolk* «бедро» съ другой стороны (второе *c* въ латинскомъ *calx*, *-cis* «пята» можетъ восходить и къ палатальному и къ велярному *k*). Но конечно не исключена возможность, что въ *kulks(n)is* мы имѣемъ дѣло съ такимъ же вставнымъ *k* какъ и въ *aĩkštas*. Есть, наконецъ, вѣроятно нѣсколько словъ (созданныхъ на литовской почвѣ) отъ корней на *-k* съ суффиксомъ, начинающимся съ *š-* (изъ *k*); примѣры даетъ Лескинъ I. с. 598 (слѣдуетъ только имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ имъ примѣровъ *š* послѣ *k* можетъ восходить къ *s*). И часть многочисленныхъ звукоподражательныхъ глаголовъ съ *-kš-* могла возникнуть на литовской почвѣ уже послѣ совпаденія *š* (изъ *s*) и *š* (изъ *k*). Примѣрами перехода *-ks-* въ *-ksz-* могутъ служить: *inkštiras* (или *ankštira* Юшк.) «угорь» (н. Finne), со вставнымъ *k*, ср. *instiras* Лит. хр. 353, 26 «закожный червь» (у Куршата *ankštiraĩ* въ этомъ значеніи), вѣроятно съ суффиксомъ *-iras* отъ старолит. *insčios* (у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 287) «внутренности», ср. р. *нупрець* «Eingeweidewurm» отъ *нупро*. Формы съ начальнымъ *a-*, вродѣ лит. *anksztiraĩ* (и пр. *anxdris* «ужь»), вѣроятно возникли путемъ смѣшенія прабалтійской формы, соотвѣтствовавшей др.-врхн. *angar* «Kornmade», р. *угорь* и друг. (ср. Trautmann Altpr. Spr. 301), и формы *inksztiras* благодаря сходству ихъ значеній. Въ пользу такого объясненія говоритъ отсутствіе суффикса *-stiras* (или *-sztiras*); если же Лескинъ I. с. 162 склоненъ считать *anksztiraĩ* за Zusammensetzung aus *anksztis* «Schote» und einer Ableitung von *irti* «sich trennen», то мнѣ это кажется совершенно немыслимымъ въ семасіологическомъ отношеніи.

¹⁾ Траутманъ Altpr. Spr. 365, правда, по примѣру Брюкнера, вынужденнаго оправдать свое предположеніе, что въ прусскомъ языкѣ заимствовано изъ польскаго языка «fast jedes fünfte Wort» (KZ. XLIII, 315), считаетъ пр. *culczy* и лит. *kūlsė* и *kūlsis* заимствованиями изъ польскаго языка (*kulsze*). Заимствование тутъ правдоподобно, но по своему звуковому составу эти слова скорѣе похожи на балтійскія, нежели на польскія формы, и поэтому я считаю п. *kulsze* заимствованнымъ изъ литовскаго языка. Брюкнеръ конечно это отрицалъ бы, такъ какъ онъ увѣренъ, что въ польскомъ языкѣ нѣтъ вовсе заимствованій изъ литовскаго языка. А когда ему указываютъ на примѣры, то онъ ихъ не признаетъ, такъ какъ де въ польскомъ языкѣ нѣтъ вовсе заимствованій изъ литовскаго языка.

áugsztas «высокій», ср. латинск. *augustus*.
bálkszvas (со вставнымъ *k*)=*balsvas* «бѣловатый» Leskien I. с. 345, ср. тамъ же другія прилагательныя на *-svas*.

dréksztinë (*lentà*) «eine gerissene (Latte)» вѣроятно съ суффиксомъ *-tinë* отъ глагола *dreskiù drëksti* «драть» (съ перестановкой *sk* передъ *t* въ *ks* и сохраненіемъ *s* подъ влияніемъ формъ съ *-sk-*, какъ наприм. въ *mëksti* «вязать» къ *mezgù*).

kriksztas «крестъ» и *kriksztyti* «крестить» (со вставнымъ *k*, послѣ котораго славянское *s* на литовской почвѣ перешло въ *sz*).

Далѣе *s* послѣ *k* переходитъ въ *sz* въ именныхъ формахъ на *-snus* (ср. *dosnùs* «щедрый» и др. у Лескина I. с. 358), наприм., *rùgsznus* «угрюмый»; на *-sna* (ср. *liepsnà* «пламя» и др. у Лескина I. с. 368 сл.), наприм. *sziksznà* «feines zur Verfertigung von Riemenzeug gegerbtes Leder» (ср. лат. *siksna* и скр. *šikyám* «ремень»), на *-snis* (род. п. *-snies*; ср. н. pl. *këpsnys* «печенье» и др. у Лескина I. с. 370), наприм. *brūksznis* «черта»; на *-snis* (род. п. *-snio*; ср. наприм. *laipsnis* «ступень» и др. у Лескина I. с. 373 сл.), наприм. *gūrksznis* «ein hörbarer Schluck von etwas Flüssigem»; на *-snë* (ср. *kašnë* «бѣда» и друг. у Лескина I. с. 376), наприм. *szuksznës* «Kehricht, Müll»; на *-smas* (ср. *grausmas* «громъ» и др. у Лескина I. с. 422 сл.), наприм. *trūkszmas* «Zug»; на *-smis* (ср. *ataduosmei* «Wiedergaben» у Лескина I. с. 424), наприм. *brūkszmis* «черта»; на *-smë* (ср. *eismë* «ходъ» и др. у Лескина I. с. 426), напримѣръ *szūkszmës* «Geröll»; на *-slas* (ср. *žáislas* «игрушка» и др. у Лескина I. с. 453), наприм. *raūkšlas* «морщина»; на *-slë* (ср. *kremslë* «хрящъ» и др. у Лескина I. с. 459 и 461), наприм. *raukšlë* «морщина»; на *-slus* (ср. *doslùs* «щедрый» и др. у Лескина I. с. 469), наприм. *deigszlùs* «всходный» (н. gut keimend) у Буги Aist. Stud. I, 84; на *-stas* (ср. *veřpstas* «Spinnstuhl» и др. у Лескина I. с. 532 сл.), напримѣръ *plākštas* «Prügel»; на *-stis* (род. п. *-ščio*; ср. *raiñstis* «подпора» и др. у Лескина I. с. 539 сл.), наприм. *baigsztis* «мухогопка»; на *-sta* (ср. *szëlsta* «Wüten» и др. у Лескина I. с. 544), наприм. *laksztà* (=laktà) «наѣстокъ»; на *-stis* (род. пад. *-sties*; ср. *skūlstis* «Klauenspalte» и др. у Лескина I. с. 547 сл.), наприм. *rakštis* «осколокъ»; на *-stë* (ср. *skiřpstë* «rhamnus frangula» и друг.

у Лескина I. с. 547 сл.), наприм. *pokštè* «пучекъ цвѣтовъ» (вѣроятно родственно съ лат. *pākstis* «струкъ»); на *-stus* (ср. *darbstus* «прилежный» и др. у Лескина I. с. 558 сл.), наприм. *baugštus* «пугливый»; въ глаголахъ на *-soti*, ср. выше стр. 32, наприм. *tekšóti* «plump daliegen», *talkšóti* «mager sein», *šmieškšóti* «in unbestimmten Umrisen dastehen», *brankšóti* «unbedeckt daliegen, dastehen»; на *-seti* (ср. *švelpsėti* «шепелять» отъ однозначащаго *švelpti*), наприм. *klukšėti* «рыгать», *kvarkšėti* «клохтать»; на *-snoti*, ср. выше стр. 30, наприм. *vaukšnoti* «fortgesetzt ein wenig bellen»; на *-styti*, ср. выше стр. 33, наприм. *lakštýti* «летать» (къ *lėkti* «летѣть»).

Формы суффиксовъ съ *-š-* (изъ *-s-* послѣ *k* и *r*) изъ положенія послѣ *k* и *r* иногда перенесены также въ положеніе послѣ губныхъ согласныхъ (послѣ которыхъ *s* обыкновенно сохраняется); ср. наприм. *lipšnūs* «липкій» (отъ *lipti* «липнуть»), *dabšnūs* «красивый» (ср. однозначащее *dabnūs*); *lupšnīs* (рядомъ съ правильнымъ *lupsnīs*), «geschälte Tannennrinde» (отъ *lipti* «лупить»), *griššnīs* «der schnelle Griff» (къ *griėbti* «хватать»), *šlāmštai* (или же съ *-sz-* путемъ ассимиляціи къ начальному *sz-* ?) «Rückstände einer Überschwemmung, Kehricht» у Беценбергера Lit. Forsch. 183 (рядомъ съ правильнымъ *szlamstas* у Гейтлера Lit. Stud. 114; можетъ быть, отъ заимствованнаго *szlamas* «Schlamm»), *graĩbsztas* или *graĩbsztis* «Kratzhamen»; *lipsztus* «zuvorkommend» у Лескина I. с. 559; *rapsznóti* «ѣсть» (по сообщенію К. К. Буги въ Хвейданскомъ говорѣ; ср. *aprėpti* «обхватить» у Юшкевича и указанія Фортунова ВВ. III, 73¹); *grabsztýti* «Diebereien begehen» (ср. *grabūs* «fingerfertig»).

А съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ весьма употребительныхъ суффиксахъ *-s-* изъ положенія не послѣ *k* (и *r*) нерѣдко переносится также въ положеніе послѣ *k*¹); ср. *ũksna* «тѣнь» и др. у Лескина I. с. 368; *degsnīs* «Brandstelle» и др. у Лескина I. с. 370 сл.; *dýgsnis* «уколъ» и др. у Лескина I. с. 373 сл. и 377; *vaĩksnė* «Zug» и др. у Лескина I. с. 376; *veĩksmas* «плачь» и др. у Лес-

¹) Случай колебанія между *s* и *š* послѣ *k* и *r* приводитъ Беценбергеръ Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 81.

кина I. с. 422 сл. и 429; *rėksmė* «крикъ» и др. у Лескина I. с. 426; *mókslas* «ученіе» и др. у Лескина I. с. 453; *žingslis* «шагъ» у Даукши Кат. 39, 6; *dukslus* «густой» и др. у Лескина I. с. 469; *lankstas* «Biegung» (рядомъ съ правильнымъ *lanksztas*) и др. у Лескина I. с. 532, 537 сл. и 558 сл.); *sleñkstis* «порогъ» и др. у Лескина I. с. 539; *dingstis* «Einbildung», *mākstys* (рядомъ съ *māksztys*) «ножны» и др. у Лескина I. с. 549 сл.; *smaigstė* «Stange» и др. у Лескина I. с. 550 сл.; *branksóti* (рядомъ съ правильнымъ *brankszóti*) «unbedeckt dastehen», *mirksóti* «mit halb offenen Augen dastehen» и др.; *žegsėti* «mehrfach schluchzen», *žvelgsėti* «болтать», *duksėtis* «довѣряться, надѣяться», наприм. у Даукши Post. 309, 21 (отсюда *duksingas* «vertraulich, zuversichtlich» и *paduksis* «надежда, довѣріе», g. s. *páduksio* у Даукши Post. 8, 27. Отношеніе латинск. *spes* къ скр. *sphāyati* «wird feist, nimmt zu» и *sphārā-s* «ausgedehnt, gross» показываетъ, ср. Leskien I. с. 596, что къ тому же корню относятся *paduksinti* «erheben, preisen» у Лескина I. с., *duksas* «beleibt, völlig», *duksinti* или *dągsinti* «умножать», *daug[sei]* «много», откуда *daugsingai* «reichlich» у Лескина I. с. 597. Сохраненіе *s* въ послѣднихъ формахъ вѣроятно объясняется вліяніемъ *duksėtis* съ одной стороны, и формъ вроде *liaupsai* «reichlich» у Лескина I. с., *liąupsinti* «хвалить» съ другой стороны. Другую этимологію для *duksėtis* и *duksas* даетъ Зубатый AfslPh. XVI, 392) и др.; *viksnóti* «den gehobenen Schwanz nach der Schnelligkeit des Laufes und in dessen Takt zittern lassen» (ср. лат. *vīkt* «schmiegen, biegen», средне-врхн. *weigen* «schwanken», или, если *k* въ *viksnóti* изъ *g*, древне-исл. *vīkja* «двигать(ся)», скр. *vēga-s* «Zittern» и др.); *lakstýti* (рядомъ съ *laksztýti*) «летать», *szlakstýti* «прыскать» и др.

Далѣе мы находимъ *s* послѣ *k* подѣ вліяніемъ формъ съ правильно сохранившимся *s* въ суффиксѣ будущаго времени (наприм. *sūksiu* «буду вертѣть») и въ формахъ настоящаго времени на *-stu* (наприм. *ilgsta* отъ *ilgti* «lang werden»; и отъ *ilgsta* далѣе произведено *ilgstinti* «lang machen»); вліяніемъ этихъ формъ на *-stu* вѣроятно объясняется *-s-* въ *tūkstantis* «тысяча» (рядомъ съ нерѣдкимъ въ старолитовскихъ текстахъ *túksztantis*, ср. Bezzenberger

Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 81; кромѣ того не исключена возможность, что *-k-* въ этомъ словѣ позже вставлено). Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ *s* объясняется недавностью вставки передъ нимъ *k*: *ēlksnis* «ольха», *īnkstas* «почка» (если въ этомъ словѣ *k* вставлено, ср. Brugmann Grdr. I², 3911; можно думать здѣсь и о вліяніи суффиксовъ *-snis*, *-stas*), *vaīkstas* «лѣкарство» (рядомъ съ однозначащимъ *vaistas*, наприм. у Даукши Post. 19, 23), *duksas* «золото» (при старолит. *ausas* у Бенценбергера I. с. 84 и пр. *ausis*), *duksauti* и *aduksis* (вѣроятно съ долгимъ *u*) у Гейтлера Lit. Stud. 76 и 82 (рядомъ съ *dūsauti* «вздохать» и *ātdūsis* «вздохъ»), *oksai* (съ *o* изъ *uo*) «kundschaftende Bienen» у Лескина I. с. 595 (ср. замѣчаніе Лескина I. с. и греч. *δοφραίρεσθαι*). Подъ вліяніемъ *akstis* (съ *s* подъ вліяніемъ другихъ формъ съ суффиксомъ *-stis*) «ein Stückchen» имѣется *s* въ *ākstinas* «Ochsenstecken». Формы *blakstienai* «рѣсницы» (у Куршата съ невѣрнымъ *ē* вмѣсто *ie*) и *blakstienos* («вѣки»?) Лит. хр. 351, 33, можетъ-быть, предполагаютъ форму **blakstas* (съ суффиксомъ *-stas*), ср. лат. *plaksts* (и *plakstiens* или *plakstiņš*) «вѣко»; *k* въ нихъ вѣроятно входитъ въ составъ корня, ср. Bezzenberger BB. XIX, 248. Также *viksvā* (рядомъ съ правильнымъ *vikszvā*, ср. также *vikszris*) «Spitzgras» имѣетъ вѣроятно *s* подъ вліяніемъ другихъ словъ на *-sva*; ср. лат. *ciesva* «пырей», лит. *nausvā* «польза» (у Лескина I. с. 347) и *garszvā* (изъ **garsvā*) «снить».—Вслѣдствіе перестановки имѣется *-ks-* (изъ *-sk-*) наприм. въ *mekstuvē* «Vorrichtung zum Stricken der Hewelten» (отъ *mezgū mēksti* «вязать») и вѣроятно также въ *dreksū drēksti* «царапать» (наст. время вѣроятно изъ **dreshkū* подъ вліяніемъ инфинитива *drēksti*; ср. *dreskiū drēksti* «драть»).—Въ *ieleksis* (у Куршата невѣрно *ē* вмѣсто *ie*) «Zochbaum» *s* вѣроятно подъ вліяніемъ однозначащаго *ielekstis* или *ielakstis* (съ суффиксомъ *-stis*; рядомъ имѣются правильныя формы *ieleksztis*, *ieliksztis* и также *ielektis* у Буги Aist. Stud. I, 100; ср. восточнолат. *ielukši* «Femerstangen am Pflug» у Бенценбергера Lett. Dial.-Stud. 169, рядомъ съ которымъ лат. *īlksis* «оглобли» вѣроятно сокращено изъ **ielksis* послѣ утраты гласнаго между *l* и *k*, ср. діал. *līls* изъ *liēls* «большой» KZ. XLIII, 3).

Итакъ, формы съ *-ks-* всё допускаютъ болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе. И что въ выше указанномъ направленіи слѣдуетъ искать ихъ объясненія, это доказываютъ формы съ *-ksz-* (изъ *-ks-*), которыя понятны только въ томъ случаѣ, если вслѣдъ за Зубатымъ и Педерсеномъ признаемъ фонетическій переходъ *-ks-* въ *-ksz-*.

Педерсенъ считаетъ возможнымъ возводить въ нѣкоторыхъ литовскихъ словахъ также *sz-* къ *s-* (съ утратою первоначально стоявшаго передъ нимъ *k-*, благодаря которому и получилось *sz-* изъ *s-*). А priori возражать нельзя, такъ какъ нѣтъ словъ съ *ksz-* (или съ *ks-*) въ литовскомъ и съ *ks-* въ латышскомъ и прусскомъ языкахъ, и такъ какъ переходъ *s* въ *sz* также послѣ начального *k-* кажется совершенно естественнымъ, если во время перехода *s* въ *sz* въ языкѣ имѣлись слова съ *ks-*. Но имѣлись ли тогда такія слова у лингвистическихъ предковъ литовскаго народа? Приводитъ ли Педерсенъ убѣдительные примѣры? Примѣры-то онъ приводитъ, но убѣдительными я ихъ не считаю. JF. V, 61 и 81 онъ сопоставляетъ лит. *szūdas* (лат. *sūds*) «калъ, навозъ» и *sziaudai* «солома» съ скр. *kšudrā-s* «малый», прскл. *худъ* «parvus», р. *худой*, выдавая самъ это за «das beste Beispiel». Насколько правдоподобно взаимное родство санскритскаго и славянскаго словъ, настолько же проблематично и въ семасіологическомъ отношеніи даже невѣроятно родство съ ними упомянутыхъ балтійскихъ словъ. Сопоставляя эти слова, Педерсенъ долженъ былъ указать связь ихъ значеній и дать параллели такого развитія значенія. И отказаться отъ этой этимологии слова *szūdas* слѣдуетъ теперь тѣмъ болѣе, что вѣрная этимология этого слова намъ дана уже Фикомъ, Vrgl. Wrtb. I⁴, 426, сопоставляющимъ это слово съ греч. *ὄσ-χυθα* ¹⁾ «ὄς ἀφόδευμα» и

¹⁾ Относительно формы первой части этого слова ср. *ὄσ-προς* (какъ *ὄσ-προς*), *ὄσ-πλος*, *ὄσ-πέλεος* и др. Съ другой стороны, I. Шмидтъ сопоставляетъ KZ. XXV, 165² *šūdas* съ скр. *śūdrā-s* «человѣкъ низшей касты» (и съ вопросительнымъ знакомъ также Uhlenbeck въ своемъ древнеиндійскомъ этимологическомъ словарѣ). Но это сопоставленіе остается сомнительнымъ, такъ какъ мы не знаемъ первоначальнаго значенія скр. *śūdrā-s*. Бернекеръ же сближаетъ JF. X, 160 сл. *šūdas* и *šiaudas* съ древне-врхн. *scutten* «сыпать» и средне-врхн. *schüt* «мусоръ», полагая, что первоначальнымъ значеніемъ литовскихъ словъ

κνθώδης δύσομος у Гесихія (*sziaudas* же «соломина» скорѣе родствененъ съ латинск. *caudeus* «juncus», древне-нижнен. *skotón* «spriessen, aufschliessen» и древне-врхн. *scoz* «Schössling» отъ прагерманскаго *skut-* у Фика Vergl. Wrtb. III⁴, 467 сл.). А KZ. XXXVIII, 391 и XL, 179 сл. Педерсенъ отдѣляетъ лит. *száltas* «холодный» отъ *szalnà* (=црксл. *слана*) «иней», сопоставляя *száltas* съ црксл. *хладъ*, и такого же мнѣнія, повидимому, держится Миккола (Baltisches und Slavisches 44). Это поразительный примѣръ того, какъ иногда даже свѣдущіе лингвисты въ угоду какой-нибудь гипотезѣ насильственно расторгаютъ даже наиболѣе естественную связь словъ, рискуя этимъ скомпрометировать нашу науку въ глазахъ постороннихъ лицъ. Что Вондракъ, Vergl. slav. Gramm. I, 357, безъ всякой оговорки предлагаетъ своимъ читателямъ эту этимологию Педерсена, это меня нисколько не удивляетъ; но также Бернекеръ въ своемъ этимологическомъ словарѣ считаетъ ее только за «bedenklich». И поэтому стоитъ поговорить объ этой находкѣ. Uhlenbeck уже справедливо замѣтилъ JF. XVII, 99: «Wäre es nicht um *chladъ* unterzubringen, so würde es keinem eingefallen sein, *száltas* von *szalnà*, äksl. *slana* zu trennen und sein anlautendes *sz* aus idg. *ks* zu erklären». Педерсенъ на это возражаетъ KZ. XL, 180: «Dieser satz [т. е. только что приведенныя слова Uhlenbeck'a] ist unbedingt richtig; er kann auch so ausgedrückt werden: «Wenn man das heutige Litauisch ohne irgend einen seitenblick auf verwandte sprachen etymologisiren darf, so kann *száltas* von *szalnà* nicht getrennt werden». Dies verfahren ist nun aber einmal nicht erlaubt; man darf niemals nach wurzeln suchen, ohne auf die historische und vergleichende sprachwissenschaft rücksicht zu nehmen. Wahnsinn gehört nicht zu *wahn*, *wähnen*.... d. *sucht* gehört nicht zu *suchen*, *hantieren* nicht zu *hand*...»¹⁾. Итакъ, Педерсенъ самъ при-

было «Geschüttetes»; но гр. κνθ- показываетъ, что *šidas* вѣроятно уже искони значить «каль». Относительно же *šiaudas* съ увѣренностью ничего сказать нельзя.

¹⁾ Слѣдуетъ еще нѣсколько тому подобныхъ примѣровъ. Что не всегда сходныя слова восходятъ къ одному и тому же корню, это мы знали и до Педерсена. А, съ другой стороны, безъ всякой причины сходныя слова другъ отъ друга не

знаеть, что съ точки зрѣнія литовскаго языка *száltas* нельзя отдѣлять отъ *szalnà*; да и слишкомъ очевидно это для того, чтобы можно было это отрицать. И также исторія литовскаго языка, насколько мы ее можемъ прослѣдить, не говоритъ противъ этого. Но сравнительное языковѣдѣніе? Доказываетъ ли оно *необходимость* отдѣленія *száltas* отъ *szalnà*? Если-бы Педерсенъ въ данномъ случаѣ не ограничился славянскими языками, но обратилъ бы вниманіе и на прочіе индоевропейскіе языки, то онъ нашелъ бы, что сравнительное языковѣдѣніе только подтверждаетъ связь лит. *száltas* съ *szalnà*. Безспорно вѣдь то, что наиболѣе шансовъ быть родственнымъ имѣть наиболѣе сходное (по формѣ и значенію) слово. И вотъ, между тѣмъ какъ прксл. *хладъ* «холодъ» отличается отъ лит. *száltas* «холодный» своимъ *d*, не говоря уже о томъ, что переходъ *ks-* въ *sz-* въ литовскомъ языкѣ не могъ еще считаться доказаннымъ,—въ Авестѣ, какъ извѣстно, мы находимъ весьма сходное и вѣроятно даже вполне тождественное съ *száltas* слово: *sarəto* «холодный» (ср. также осет. *sald* «холодъ»), показывающее, что *sz-* въ *száltas*, по всей вѣроятности, такъ же восходитъ къ иде. *k̑-*, какъ и въ *szalnà*. А въ пользу того, что *r* въ ав. *sarəto* восходитъ къ иде. *l* (а не *r*), говорить, помимо осет. *sald* ¹⁾, его полное сходство съ лит. *száltas*, причастіемъ къ глаголу *szálti* ²⁾ «мерзнуть». Итакъ, съ одной стороны мы имѣемъ естественную связь *száltas* съ *szálti* и *szalnà* и полное сходство его съ ав. *sarəto*, съ другой же стороны проблематичный звуковой законъ, главнымъ доказательствомъ котораго должно служить само *száltas*, и въ результатѣ его, добытомъ цѣною расторженія наиболѣе естественной связи словъ, корень *ksel-:ksol-*, который не подтверждается другими индоевропейскими языками. Выборъ, право, нетруденъ, и я

отдѣляются нами, и поэтому слѣдовало ожидать, что Педерсенъ укажетъ тѣ вѣскія причины, которыя *заставляютъ* отдѣлить *šáltas* отъ *šalnà*. Вмѣсто этого дается общее мѣсто о значеніи сравнительнаго языковѣдѣнія.

¹⁾ Древность *l* въ немъ сомнительна, ср. Hübschmann Persische Studien 264 и Bartholomae Grdr. d. iran. Philol. I, 23.

²⁾ Что въ *šálti* *š-* изъ *k̑-*, показываетъ латинск. *calere* «быть теплымъ» (лит. *šilti* «теплѣть»); ср. о словахъ съ противоположными значеніями Шерцль, Филол. Зап. 1883 г. V—VI вып. и 1884 г. I вып., и др.-прл. *gair* KZ. XLIV, 58.